

© 1998 MCA Records, Inc.

NO ONE SUNDAE DARK TEA

Сергей Токарев

Пропавшая Джина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70405537

SelfPub; 2024

Аннотация

Дорогой друг, добро пожаловать в Лжебург! Город, в котором ты скорее всего ещё не был, но можешь оказаться в любое время. Попасть сюда просто, а выбраться бывает сложно. Рядом всегда окажется кто-то знающий, где вход. Одинокий сосед или кто-то из друзей. Здесь понятное начинается там, где непонятное становится полнейшим абсурдом. А аллергия на ежевику является подарком судьбы. Если там, где ты живешь, тебе приходилось видеть объявления о пропавших собаках, то, скорее всего, они в фабричном питомнике. И помни, если ты, оказавшись тут, конечно же, не по своей воле, увидишь что-то, что выбивается из общей картины, значит ты на верном пути, и это может стать твоим билетом домой. Только, пожалуйста, не пробуй «Елжевичное У»! И вообще, до возвращения домой не ешь ничего фиолетового.

Содержание

1	5
2	21
3	31
4	43
5	62
6	73
7	86
8	91
9	102
10	131
11	144

Сергей Токарев
Пропавшая Джина

Моим любимым Варюше и Марусе

1

Утром, когда пропала Джина, было немного облачно.

Тёплый солнечный лучик проник через окно в крыше, подкрался к лицу спящей Поли и пощекотал ей ресницы. Поля сонно хмыкнула и попробовала сбросить лучик, но тот не отставал. Тогда она перевернулась на другой бок и накрыла голову подушкой.

– Валя! – сквозь подушку и сон протянула Поля. – Валя, сходи сегодня за меня...

На кровати напротив зашевелилось одеяло, послышалось неразборчивое мычание. И снова тишина.

– Валя! – ещё раз позвала Поля. – А я тогда за тебя завтра посплю. Мм?

– Когда же это кончится? – из-под одеяла вынырнула Валяина голова. В следующую секунду нога сбросила одеяло на пол.

– Может, лет через десять?

– Ладно, – неопределённо ответила Валя, резко прыгнула с кровати, подбежала к окну и привычным движением дёрнула ручку.

В комнату ворвались звуки тёплого весеннего дня. Мимо забора, шипя, лениво проползла оранжевая машина-поливалка. Где-то вдалеке, видимо, на соседней улице, кто-то уже

стриг газон. Трещали неугомонные птицы. Тяжелый шмель угрюмо попытался сунуться в окно, но передумал и исчез. Снизу послышалось металлическое щёлканье замка, и бодрый голос папы:

– Девчонки, доброе утро! Мы с мамой уехали.

Валя шире раскрыла окно. Их глаза встретились, и Валя хитро улыбнулась.

– Я кому говорил, из окна не высовываться! – будто бы строго сказал папа, но Валя прочитала на его губах с трудом спрятанную улыбку. – Валюша, не забудьте поздравить бабушку!

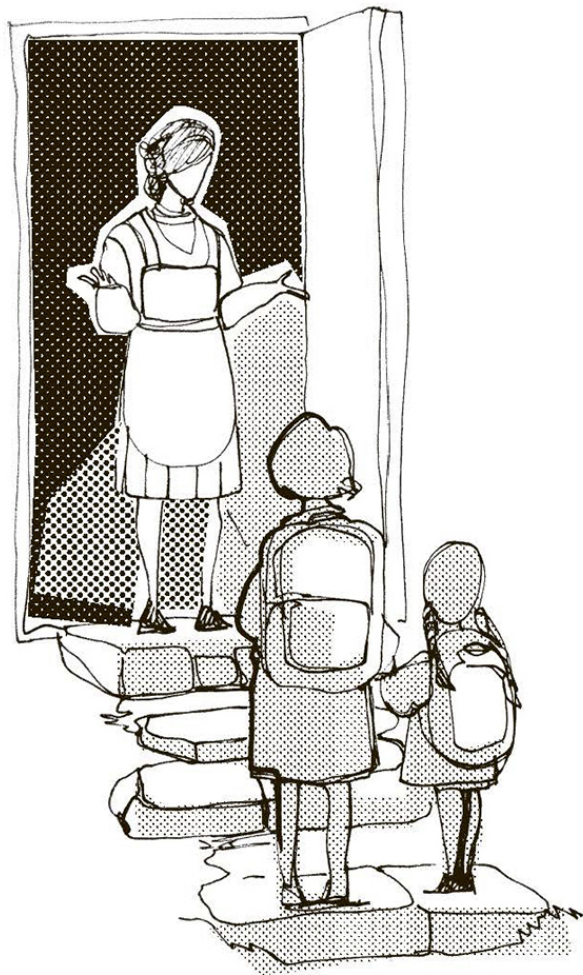
– Точно, пап! День рождения! Спасибо, что напомнил! Хорошего тебе дня!

– И вам тоже, мои дорогие! Завтрак на столе!

Каждое утро сёстры заходили за своей подружкой Джиной. Поля обычно первая подбегала к кованому забору, просовывала голову сквозь чёрные прутья и кричала: «Джина – соня, выходи, деда Гришу разбуди!». На этот клич сначала выскакивал дерзкий и пушистый чихуахуа Лисик и звонким лаем оповещал о том, что территория под контролем. После чего из всегда открытого окна соседского дома доносилось стариковское ворчание деда Гриши. Полю всё это очень веселило, и она тоже заливалась громким задорным смехом. А потом на пороге своего дома появлялась их подруга и её мама. Джину называли этим экзотическим именем в честь бабушки, жившей в Катаре, на Ближнем Востоке. Катарскую

бабушку она никогда не видела, но часто рассказывала Вале и Поле про жизнь в далёкой стране. Некоторые истории были уж очень необычными. И Валя даже подозревала, что Джина половину сочинила сама.

На этот раз, когда сёстры подошли к дому подруги, и Поля, просунув голову сквозь решётку забора, выдала свою любимую кричалку, Лисик почему-то не появился. Поля сделала решительный вдох и повторила, добавив громкости. На порог дома вышла мама Джины и остановилась у открытой двери, рассеянно сжимая в руке угол безупречно выглаженного фартука.

– Тётя Марина, доброе утро!

Что-то явно было не так. Пальцы разжались, кончик фартука выпал из руки, и тётя Марина медленно подошла к забору.

– Какие-то странности у нас происходят, девочки! Джина сегодня встала раньше и сказала, что пойдёт одна. Вчера куда-то пропал наш Лисик. Мы искали его весь вечер. Уже стали думать на деда Гришу. Он давно обещал поймать его и побрить под пуделя.

– Думаю, нам нужно расклеить объявления. Ну знаете, пропала собака и всё такое, – сказала Валя. – Тётя Марина, у вас есть фотографии Лисика? Мы сегодня же этим займёмся.

– Да, конечно, должны быть. Давайте... давайте попробуем! – тётя Марина как-то бледно улыбнулась, потом посмотрела на девочек так, будто вспомнила что-то важное.

– А я тем временем испеку ваш любимый пирог со сливой. Идёт?

– Здорово! – Поля подпрыгнула на месте, но тут же виновато сунула руки в карманы. История была не то чтобы очень весёлая. Вернее, начало очень странной истории. Но Поля, конечно же, пока об этом ничего не знала...

Она вошла в класс ровно в тот момент, когда умолк третий звонок, превратив только что бурлящий коридор школы в совершенно необитаемое пространство. Есть в этом нечто одновременно волнительное и забавное, застыть вот так вот

в дверях в первые секунды тишины и наблюдать. «Были одни люди, а тут, как по команде, сделались совершенно другие. Только не по команде, а по звонку. Это и есть что ли позвоночные?» – успела подумать Поля, перед тем, как почувствовала на себе терпеливо-серьезный взгляд.

– Простите, пожалуйста! – она прижала руки к мягкому ворсистому сарафану.

Елена Николаевна еле заметно кивнула.

Бесшумно семеня мимо парты Митьки Аверина, Поля бросила косой взгляд на пустовавшее рядом с ним место Джины. Розового, вечно набитого будто для теста на крепкость портфеля на полу рядом с партой тоже не было.

– Кто-нибудь знает, что с Джиной? Поля, вы же всегда вместе, как сиамские близнецы?

– Не знаю, Елена Николаевна. Мама сказала, что Джина ушла сегодня одна.

– Ладно. Тогда вот как поступим...

Елена Николаевна раздала распечатки, попросила Митьку, «оставшегося без присмотра соседки», не заводить класс и вышла.

Время тянулось как бабушкин кисель. С той разницей, что кисель был приятный, а ожидание и неизвестность – нет.

– Всё обязательно прояснится, – сказала Елена Николаевна, когда вернулась. Впервые она выглядела неуверенной. Зато вместе с ней вернулось привычное течение времени. Потому что тут же началась перемена. Без Джины.

– Опять носишься как утюг! – Валя стояла с одноклассницами рядом с дверью на лестницу. Те снисходительно улыбались, а кто-то даже хихикнул.

– Утюги не носятся... Мне нужно тебе что-то сказать. Только тебе, – Поля сурово посмотрела на подружек.

– Ладно, ладно, уходим! – решила за всех суперотличница Лена, и подружки тут же испарились.

– Всё это очень странно, сначала Лисик, потом Джина. Тут что-то серьёзное, – проговорила Валя, накручивая прядку светлых волос на палец. Она очень любила детективные сюжеты. В любимой её книге часто происходили похожие истории с тайнами и загадками.

– Вот что! После уроков встречаемся около столовки! Я знаю, что делать. А пока без паники. Всё! По-сле уро-ков.

Очень легко сказать «без паники». Но как полдня изображать спокойствие, когда из головы не лезут всякие мысли? И Лисик в виде пуделя, и Джина, и пирог.

После пятого урока Поля, кое-как побросав вещи в портфель, первой примчала к условленному месту. Скоро появилась и Валя. Карманы её клетчатого сарафана заметно оттопыривались. Шла она осторожно, как будто боясь что-то выронить. Валя украдкой огляделась, не подсматривает ли кто? Потом на ходу начала вытаскивать содержимое своих карманов.

– Вот, – сказала она, – у тебя есть место?

– Зачем столько? – спросила Поля, распахивая в жёсткие

отделения портфеля плоские плитки и шуршащие батончики.

– Шоколад содержит вещества, которые улучшают кровоснабжение коры головного мозга. Ну и, сама понимаешь, мозг начинает лучше работать.

Однажды для класса Валя готовила доклад про шоколад. Сообщение получилось таким вкусным, что на большой перемене её одноклассники выстроились в столовой в одноклассную очередь и слаженно скупчили все какао-содержащие продукты. А предводитель школьных поваров (или как он там называется?), когда узнал в чём дело, попросил Валу подготовить доклад про жидкое школьное пюре.

– Ого, – восхищённо протянула Поля, – если бы родители только знали про эти вещества...

– Пошли! Сейчас будем улучшать работу наших мозгов!

Перепрыгивая через две ступеньки, они сбежали со школьного крыльца и завернули за угол. Теперь со двора их уже никто не мог видеть. Валя опустила портфель на бетонную дорожку, щёлкнула застежками и вытащила из передней части две плитки Алёнки.

– Теперь едим! Увидишь, как заработают наши мозги. Если появится хорошая мысль, сразу говори. Чтобы не забыть её, когда появится следующая хорошая мысль.

Она привычным взмахом сорвала кусок жёлтой бумаги вместе с фольгой. И осторожно ступая, чтобы не спугнуть мысли, сёстры направились в сторону дома.

– Стойте! Поля! – раздался знакомый голос. Девочки обернулись. К ним, что было сил, мчал Митька Аверин на своём новом синем велосипеде. Митька, когда бегал или гонял на велике, становился очень красный. Наверное потому, что он был очень рыжий, почти как машина-поливалка. Совершив неуверенный обгон с разворотом, Митька неожиданно резво спрыгнул с велосипеда и стал напротив, перегородив собой дорогу.

– Погодите, что расскажу, – он с трудом восстанавливал дыхание. – Вот. Мне неделю назад родители подарили этот велосипед!

И Митька гордо кивнул в сторону блестящего хромированного руля.

– Мы рады за тебя, дорогой Митенька! – ответила Валя, растянув на лице настолько искусственную улыбку, что кончики губ казалось вот-вот коснутся уголков глаз.

– Да нет, велосипед тут совсем ни при чём, – поспешил Митька. – Просто я катался вчера на нём по вашей улице и видел, как двое увезли собаку Джины.

– Как это увезли? – Валя недоверчиво заморгала.

– Да вот так. У них такая большая чёрная машина с запасным колесом на багажнике. А ещё там наклейка рядом с колесом – серебристая акула. Они подъехали к дому Джины. Лисик валялся на солнышке у забора. Он его чем-то поманил, потом схватил в машину и давай дёру!

– Он – это кто?

– Их двое было. Она у машины стояла. Большая такая, квадратная, как туча. Одета странно: синее платье мешком, до самого пола. А он – худой, с усиками, глазки маленькие, в чёрных сандалиях и жёлтых носках.

– Это как же ты, Мить, столько всего разглядеть-то успел и с велика своего нового не упал? – произнесла Валя, всё ещё не зная, верить Митьке или нет.

– А тучи разве квадратные? – еле слышно проговорила Поля.

– Тучи разные бывают, бывают и треугольные, – отрезал Митька. – А я такой машины здесь никогда не видел. Вот и решил посмотреть – кто такие, и что им тут надо. Я же всех местных знаю. А этих первый раз видел.

– Тоже мне, сыщик, – сказала Валя. – Ну ладно, мы сейчас прожужим и думать будем над твоей информацией! Решим, в общем, верить тебе или нет.

– Как хотите, конечно. Я правду говорю, – обиделся Митька, вскочил на велосипед и закрутил педали с такой силой, что руль неуверенно задёргался из стороны в сторону.

Валя и Поля проводили взглядом удаляющегося Митьку. Когда он свернул на перекрестке, Валя достала из кармана ещё одну шоколадку, разломил её пополам, хрустнув лопнувшей фольгой, и протянула половину Поле.

– Думаю, Митька не врёт. Зачем ему?

– Митька всегда говорит правду. После того, как поучительный рассказ прочитал про одного первоклассника, кото-

рый обманул маму. Этот герой сказал, что съел кашу, а на самом деле, пока мама зажмурилась, ... когда чихнула, выкинул кашу в окно.

Валя, казалось, не слушала.

– Вместе с тарелкой!

– Да? – удивилась Валя и замерла на месте, уставившись на сестру.

– Ага, – довольно кивнула Поля. – А потом в дверь их квартиры позвонил незнакомый мужик, которому каша упала на голову. Вот после этого Митька больше не врёт. Говорит, всё равно рано или поздно все узнают. И в следующий раз верить тебе уже не будут. Ты уже будешь для всех вруном!

– А как же тот мужик им позвонил, тарелка-то тяжёлая была наверно?

– Думаешь, Митька всё-таки наврал? Может, они невысоко жили. И это скорее всего зимой было, а он в мягкой шапке был такой, знаешь? ... пушистой.

Валя пожалала плечами и снова сосредоточенно зашагала.

Когда закончилась третья шоколадка, девчонки подошли к дому Джины. Валя позвонила в звонок и услышала, как тот колокольчиком отозвался в доме. Дверь не открыли. Валя ещё несколько раз втопила кнопку, и снова задрезжал колокольчик.

Щёлкнул замок в соседской глухой калитке, и на улицу высунулась седая косматая голова.

– Кто это здесь балуется? Людям спать не даёт? – по-стариковски проворчал дед Гриша.

– В такое время только летучие мыши спят! – Поля пронзила деда строгим взглядом.

– Можете не звонить. Дома никого нет. Час назад приехал их папа, забрал их маму, и они куда-то уехали. Мрачные, как осень в Магадане, – и дед Гриша часто затряс головой.

Валя подошла к калитке, из-за которой продолжала выглядывать голова соседа, задумчиво провела указательным пальцем по шершавой поверхности, будто проверяя, сколько на ней пыли, и спросила:

– А вы случайно не видели здесь вчера большую чёрную машину с запасным колесом на багажнике и наклейкой – серебристой акулой?

– А в ней двоих – большую тучу и чёрные сандалии с жёлтыми носками. Ну, то есть, одна женщина, похожая на квадратную тучу, а другой – мужчина, похожий на санда... то есть на нём сандалии и жёлтые носки, – уточнила Поля.

– Как ты сказала? Туча в сандалиях на серебристой акуле? – переспросил дед Гриша и закашлялся. Вдруг он перестал кашлять и выпучил на девчонок свои выцветшие серые глаза, отчего стал похож на сушёного леща.

– Маленькие глазки и усики. У него. А она как туча?

– Квадратная туча! Ещё бывают треугольные, как... треугольник. Но эта – квадратная, – спешно добавила Поля, разводя руки в стороны, чтобы показать что-то очень большое.

– Да, так они выглядели, если верить Митьке, – подтвердила Валя. – Он сказал, что эти двое забрали Лисика.

Дед Гриша бросил взгляд на свои поношенные туфли, почесал затылок, потом открыл калитку и сказал неожиданно помолодевшим голосом:

– А ну, заходите! Расскажу вам кое-что. Это может быть очень серьёзно.

Поля колебалась. Но Валя подтолкнула её в сторону калитки, и они очутились по ту сторону забора, который много раз видели только с улицы. Во дворе деда Гриши было как-то уж слишком сумрачно. По бокам дорожки, ведущей к дому, росли низенькие, корявые яблони. В углу давно заброшенного сада белела покрытая пятнами плесени и налипшей прошлогодней осенней листвой старая ванная, которую когда-то использовали для сбора дождевой воды. Сёстры невыносимо медленно прошествовали вслед за шаркающим по плиткам дорожки дедом Гришей к крыльцу дома. Входная дверь была тоже очень древняя, деревянная, много раз перекрашенная. Из-под потрескавшейся зелёной краски местами выглядывал предыдущий синий слой. А где-то виднелся и ещё более ранний – коричневый. Валю давно мучал вопрос, почему двери обычно красят в самые тоскливые цвета, а не в сиреневый, креветочный или, например, бирюзовый.

Дед Гриша дёрнул хлипкую дверь.

– Заходите. Не упадите, тут лампочка сгорела и ступенька.

В доме пахло одновременно старостью и весной. Старик

всегда держал открытым окно, из которого дом Джины был виден почти целиком. Центр комнаты с мрачными обоями, в которую они попали из тёмного коридора, основательно занимал прямоугольный стол. На жёлто-зелёной скатерти лежала пачка потрёпанных журналов, будто кто-то приготовил их к сдаче в макулатуру. К стене напротив окна привалился выдавший виды диван с деревянными подлокотниками, накрытый разноцветным лоскутным покрывалом. Углом к столу возвышалась прямоугольная громада – часы с маятником за стеклянной дверцей и пожелтевшим от времени циферблатом. А рядом – четыре фотопортрета в рамках, два побольше и два поменьше.

– Это моя семья, – прервал тишину дед Гриша, заметив, что девочки с интересом разглядывают фотографии. – Мои мама и папа. А внизу мы с братом.

– У вас есть семья? – удивилась Поля.

– Родители давно умерли, – ответил дед Гриша, убирая на стул журналы, – а брата я не видел много лет. Он живёт в городе Мирный, в Якутии. Даже адрес знаю: Комсомольская улица 24, квартира 3. Там в Якутии добывают алмазы. Ещё там до сих пор находят кости мамонтов. Когда-то он тоже работал на добыче. А сейчас, скорее всего, сам похож на мумию мамонта.

– У вас наверно было много алмазов, – мечтательно произнесла Поля.

Старик сухо рассмеялся. Он предложил сесть за стол, сам

медленно опустил на стул напротив, на который минуту назад сложил журналы. Что-то пробурчал неразборчивое и переместил их обратно на стол. Потом вдруг нахмурил косматые брови и сказал:

– Вот какое дело. Эта история как раз связана с моим братом. Я тоже встречал тучу и жёлтые носки в чёрных сандалиях, когда учился в школе. И они тоже были на чёрной машине с акулой у заднего бампера. Только машина была совсем не такая, как сейчас. Это был большой чёрный ЗИМ. К багажнику была прикручена металлическая сетка, а в ней запасное колесо.

– Обычное совпадение! Ведь прошло столько времени! Митька бы так и сказал, что видел двух пенсионеров, – сказала Поля.

– Да, возможно и совпадение. Но у нас тогда тоже сначала пропал наш Шарик. Собака. Всё происходило точно так, как вы рассказываете. Я думаю, что Джина попала в историю.

– Что за история? И что было потом? Нам очень нужно узнать! – заёрзав на стуле, проговорила Валя.

– Наверно, вам придётся разобраться самим. Я и так уже много чего наговорил... лишнего! – с внезапным раздражением ответил дед. – Поищите в округе заброшенный дом.

Он умолк, уставившись на угловатый узор скатерти, потом добавил:

– Чаю хотите?

– Расскажите ещё что-нибудь? Ну, пожалуйста! – взмоли-

лась Поля, прижав к губам сложенные ладошки.

– Нет. Не могу. Если чаю не хотите, идите-ка домой. А то расселись тут и голову мне морочат.

– Пойдём, Поля, больше мы ничего не узнаем, – разочарованно сказала Валя и поднялась со скрипучего стула.

Они вышли из комнаты, прошли по тёмному коридору и снова оказались в заброшенном саду. Дед Гриша их не провожал. Он так и остался сидеть за столом, потонувший в своих мыслях. Сёстры уже подходили к калитке, когда донеслось шарканье старых туфель.

– Если она вас не вспомнит, возвращайтесь через клумбу с часами! Только так!

Валя обернулась, пытаясь поймать смысл брошенной дедом фразы. Потом Поля толкнула спиной тяжёлую калитку, и они оказались на улице, наполненной солнцем, теплом и запахами весны.

2

– Ну, как вчера? Нашли?

– Нет, Митя, и дома у них тоже никого нет.

Поля сомневалась, стоит ли посвящать Митьку во все подробности. По дороге в школу они с Вале́й, как обычно, сделали остановку около дома Джины. Только на этот раз Поля стояла в стороне, скрестив руки на груди и почти не дыша, пока Валя безуспешно вдавливала кнопку звонка.

– Ладно... Ты, Мить, случайно не знаешь, здесь рядом есть старый заброшенный дом, в котором давно никто не живёт?

– У нас здесь больше нет таких домов. Теперь все новые, кирпичные... Хотя, погоди. Есть один пустой дом. Но он не то чтобы старый. Его построили пять лет назад. Туда так никто и не въехал. Двухэтажный, из жёлтого кирпича, на Янтарной улице. Могу показать. Это совсем близко. А зачем тебе?

И тут Поля с какой-то неожиданно приятной лёгкостью выложила Митьке подробности вчерашней встречи с дедом Гришей.

– Ха! Так у него же не все дома! – воскликнул Митька.

– Он и правда живёт один. Но у него есть брат, который видел настоящего живого мамонта, когда добывал алмазы.

– Ну точно ку-ку! Я же говорю, он сумасшедший. Это

все знают. Он даже иногда гуляет по ночам босиком. Его несколько раз встречали утром босого на улице и отводили домой. А он не мог вспомнить, где живёт, и всё про клумбы какие-то рассказывал. Мамонты, если хочешь знать, вымерли триста тысяч лет назад, ещё до революции. А алмазы добывают специальными машинами, чтобы люди их не растащили. Вот! – выпалил Митька.

– Я ему верю. И вообще, по-моему, он очень добрый. Просто ему грустно жить одному, поэтому он стал чёрствый и иногда ругается, – попыталась защитить старика Поля.

– Ладно. Покажу вам этот дом, – сказал Митька.

После пятого урока Поля и Митька, размахивая мешками со сменкой, выскочили на улицу. Вот они, долгожданные летние каникулы! Три месяца лета, что может быть прекраснее? Но всё же Поле было немного грустно. Оттого, что теперь она долго не увидит своих одноклассников, свою любимую Елену Николаевну. И кто всё это время будет кормить толстого хомяка и улиток в живом уголке?

«Почему так странно? – думала она, – весь год мечтаешь о лете, а потом в последний день становится так тоскливо и совсем уже не хочется этих каникул». Валя ждала во дворе. Она стояла, прислонившись спиной к раме качелей, с куском белого хлеба в руке, и сосредоточенно жевала. Когда к ней подошли Поля с Митькой, она открыла портфель и вытащила оттуда ещё два куска.

– Подкрепитесь, это важно перед серьёзным делом! Кто

захочет добавки, у меня тут целый батон. Купила в столовке. Ну, Митя, показывай дорогу!

Митька сунул в рот румяную горбушку, забрал свой велосипед, стоявший на железной подставке у крыльца, и под нетерпеливым взором Вали коряво протиснулся через непослушную школьную калитку.

Там, где в конце улицы из растрескавшегося бетона торчал старый водопроводный кран без ручки, они свернули. Митька шёл пешком, держась за новенький блестящий руль, и без умолку трещал:

– Вы знаете, что наш обычный батон придумали специально для рабочих заводов и фабрик? Там такой состав, что съешь такой батон, и до вечера есть не захочется. Вот если взять, например, багет, то его совсем для другого придумали. Зато он хрустящий.

– А ты Мить случайно не знаешь, для кого придумали детское питание из брокколи? – неожиданно спросила Валя. – Совершенно не помню, как была маленькой. А отвратительный вкус этого зелёного фарша помню.

– Я знаю одного ребёнка, который любит детское питание из брокколи. Наверно для него и придумали, – Поля посмотрела на сестру, чуть прищурившись и поджав губы.

– Вот ты, Валька, всё шутишь, а про батон я правда читал, – обиделся Митька. И на самом деле – читал он много. У него дома была настоящая библиотека. Точнее коридор от пола до потолка забитый книгами. Её начал собирать ещё

прадедушка после войны. И на всех его книгах были наклейки «Библиотека Авериных». Митька рассказывал, что любит доставать самые старые экземпляры и нюхать их, потому что «они пахнут историей». А ещё про то, что иногда из книг выпадают пожелтевшие от времени обрывки бумаги с какими-то чернильными заметками или подписанные открытки. Тогда он бежит с находкой к папе, а тот непременно говорит: «Вот видишь, сын, как раньше люди красиво писали. Это потому, что у них компьютеров не было».

– Смотрите! – ткнула пальцем Поля. Через два дома от них стояла чёрная машина с запасным колесом на багажнике. Валя почувствовала, как по рукам побежали мурашки. Митька сделал несколько осторожных шагов, как тигр на охоте, и остановился у следующего фонарного столба. Сёстры подтянулись за ним.

– Точно, та самая, – почти шёпотом сказал Митька. – А вон и серебристая акула.

На багажнике, рядом с колесом, блестел на солнце хищный рыбий контур.

– А это как раз он! – кивнул Митька, указывая на жёлтый кирпичный дом за забором. – Видите, окна пыльные, занавесок нет, и двор весь лопухами зарос.

Сквозь редкие жерди низкого деревянного забора пробивалась наружу густая трава по пояс. Она была примята рядом с висящей на одной петле калиткой. Митька на полусогнутых подкрался к машине и, убедившись, что в ней никого

нет, жестом позвал девчонок.

– Вот, я же вам говорил, именно в этой машине увезли Лисика те двое странных, – прошептал он.

– Нам нужно проникнуть туда, – сказала Валя и пронзила Митьку решительным взглядом. – В дом.

Митька сомкнул руки за спиной и опустил глаза. Он колебался.

– А где я оставлю велосипед? Прямо здесь, на улице?

– Хорошо! – Валя сделала шаг в сторону калитки.

– Я с тобой! – схватила Валу за руку Поля.

Было решено, что Митька останется охранять портфели и свой велосипед.

Валя дотронулась до низенькой деревянной калитки. Та скрипнула и легко поддалась. Валя чуть-чуть приподняла калитку и потянула на себя, так что образовалась небольшая щель, в которую они с Полей могли протиснуться. Митьке было неловко за то, что он так смалодушничал. «Вот был бы у меня старый велик, – думал он, – а не этот новый, и не жалко было бы. А этот, если украдут, ужасно обидно будет». И он уже был совсем не рад подарку родителей, а представлял себе всю ситуацию, если бы велосипед ему подарили только завтра или на крайний случай послезавтра.

Пока он думал, девочки преодолели первые несколько метров зарослей, так что остались видны только их головы и худенькие Валины плечи. Поля шла чуть позади, осторожно наступая на твёрдые длинные стебли. Что-то хрустнуло под

ногой, и она замерла.

– Ты чего? – прошептала Валя, резко обернувшись.

– Мне страшно.

– Не бойся, я с тобой... идём!

Поля глубоко вздохнула и снова стала с опаской переставлять ноги, стараясь попасть точно в то место, где только что была нога сестры.

Рядом с домом травы оказалось меньше. Здесь были камни вперемешку с песком. Девчонки на цыпочках подкрались к окну, начинавшемуся чуть выше Валиной макушки.

– Я сейчас подниму тебя, а ты попробуй как можно больше рассмотреть! Готова?

Поля растерянно закивала. Тогда Валя повернула сестру лицом к дому и обвила руки вокруг её талии. Зацепившись руками за скользкий металлический подоконник, Поля, крутя головой из стороны в сторону, пыталась рассмотреть, что находится внутри. Довольно быстро хватка Вали ослабла, и Поля шумно приземлилась.

– Ну что?!

– Там пусто. Голые стены и никого.

«Зайдём и, если они там, скажем, что мы из полиции, и знаем, что они украли Лисика. Стоп! Полиция? Они что же не поймут, что это неправда? Где полиция, а где два школьных сарафана? Надо придумать что-то получше». Но как Валя ни старалась, лучше ничего не придумывалось.

– Ладно, попробуем войти. Если что, сразу кричи и зови

на помощь. Понятно?

Поля еле заметно кивнула. По её лицу было видно, что она готова прямо сейчас убежать. Однако бежать через заросли одной было тоже очень страшно. А что если те двое затаились где-то там, в траве? Девочки бесшумно подкрались к входной двери, поднялись по позеленевшим от сырости ступенькам, и Валя схватилась за потускневшую металлическую ручку двери. Она медленно надавила, потянула на себя, и дверь поддалась. В точности как сказала Поля: голые стены. Лишь кирпич и торчащие из кладки застывшие языки цемента. Валя старалась дышать через раз, в надежде уловить какие-нибудь звуки внутри дома. Но там была мёртвая тишина. Никаких признаков жизни.

– Есть кто-нибудь? – крикнула Валя так резко и неожиданно, что Поля вздрогнула.

Никто не ответил.

– Ау-у-у! – позвала Поля, почувствовав себя увереннее. – Никого нет.

– А как же машина?

Поля лишь пожала плечами. Мурашки пробежали по её рукам, а в горле возник неприятный комок.

– Ладно, пропадать так с музыкой! – сказала Валя и громко запела: «Писем еще не написанных, сколько, нана-на-нана...». Поля звонко расхохоталась и, совсем осмелев, взорвала застоявшуюся тишину аплодисментами. Валя взметнула указательный палец к губам. И снова полная тишина.

Они постояли немного, потом, прижавшись друг к другу, вошли в дом.

3

После маленького квадратного холла, сёстры очутились в вытянутом зале с высоким потолком. Под изогнувшейся у окна серой лестницей лежали мешки с цементом. Тут и там валялись доски и куски битого кирпича. Посередине одиноко стоял деревянный стол с потрескавшейся поверхностью и кривыми ножками, весь белый от строительной пыли.

– И что мы должны тут найти? – спросила Валя. Послышалось лёгкое эхо.

– Аа-а! – выкрикнула Поля и игриво затаилась. Эхо повторило за ней. Она сделала несколько шагов и остановилась. В тёплом луче солнца, казавшемся чужим в этом царстве кирпича и бетона, весело танцевали миллионы мелких частиц. Поля опустила глаза на свои любимые блестящие синие туфли. Они больше не блестели, покрывшись плотным слоем серой пыли. В целом, кроме скучной пустоты, сырости и невероятного количества пыли, ничего примечательного здесь не было. Если не считать одной странности. Угловая лестница никуда не вела и упиралась в кирпичную кладку.

Валя поднялась на несколько ступенек и остановилась. В кладке не хватало пары кирпичей. Она запустила руку в углубление и бережно извлекла плоскую глянцевую коробку. На крышке блестел золотом обрывок стёртой надписи – «ЛЮ 47». Валя повертела в руках коробку: больше ничего, ни тек-

ста, ни картинок. Тогда она медленно подняла крышку.

– Смотри! Шифр какой-то!

Поля молнией подскочила к сестре. От пачки пожелтевшей бумаги, исписанной мелким аккуратным почерком, веяло чужой тайной. Видимо потому, что по большей части там были непонятные символы, похожие на буквы. Были и цифры, расположенные причудливыми островками.

– Что такое ширф?

– Не ширф, а шифр. Это когда кто-то оставляет послание, но хочет, чтобы его прочёл и понял только тот, кому оно адресовано. Тогда этот кто-то придумывает шифр. Ну, например, заменяет буквы цифрами. Тот, кто должен получить это сообщение, знает шифр и, значит, сможет прочитать текст, который здесь скрыт.

– Вот здорово! Но мне кажется, это строители таджики написали что-то на своём французском.

– Таджики говорят по-таджикски, а не по-французски.

– Говорят – да. А пишут по-французски! – объяснила Поля.

Валя вытащила сложенные пополам листки. И тут что-то звонко упало ей под ноги. Длинный гвоздь. Очень необычный – ржавый ровно наполовину. Верхняя часть со шляпкой была вся коричневая от ржавчины и неровная, а нижняя – гладкая и блестящая. Как будто взяли два гвоздя: один очень старый, а другой совсем новый, разрезали пополам и соединили. Ко дну коробки куском замусоленного пластыря был

приклеен еще десяток таких же странных гвоздей. На кирпичной кладке рядом со ступенькой кто-то обвёл мелом проделанную дрелью дыру. Поля подняла упавший гвоздь и легко, как ключ в замок, вставила его в отверстие. В этот момент что-то ярко сверкнуло, послышался глухой удар, словно мимо окон на сумасшедшей скорости промчалась комета и рухнула за сотню километров. И тут же стало совсем темно. Девочки соскочили со ступенек и бросились к окну. Слева от дома жёлтым светом тускло горел фонарь.

– Что это было? – произнесла Валя. Поля услышала, как дрогнул её голос. Через оставленную настежь дверь они выбежали на улицу. Там действительно была ночь. Сверчки пели свою однообразную скрипучую песню, а вокруг висевшей на небе куском сыра луны рассыпались голубоватые точки звёзд.

Сёстры продрались сквозь заросли колючей травы обратно к забору и обнаружили, что улица совершенно пуста. Не было ни большой чёрной машины с акулой, ни Митьки с велосипедом и портфелями. Тёплый весенний ветерок играючи прокатил мимо скомканный бумажный листок и принёс откуда-то сладкий фруктово-резиновый запах. «Так пахнут ежевичные конфеты-тянучки», – подумала Поля и громко сглотнула. Ей вдруг очень захотелось, чтобы сейчас здесь был Митька с портфелями, чтобы Валя достала из своего пакет фруктовых тянучек (у неё всегда там был большой запас всяких вкусностей). А ещё ей очень хотелось оказаться дома.

Было совершенно непонятно, как в один миг настала ночь. «Митька наверняка сидит сейчас у себя и ужинает со своими родителями. А в коридоре его дома стоят наши портфели, в одном из которых несомненно лежит пакет полный разноцветных тянучек».

– Пойдём скорее домой, нас уже наверно ищут с соседями и собаками! – сказала Поля и крепко ухватила сестру за руку.

– Смотри! – окликнула Валя. Поля обернулась, и глаза её округлились.

– Ты же помнишь, что он был из жёлтого кирпича?

– Так и было.

Они стояли как вкопанные. Дом выглядел точно как раньше, только теперь он был не жёлтый, а тёмно-коричневый. Как будто хозяин передумал и за пол часа снёс и построил тот же дом, только из другого кирпича.

– Бежим скорее! – скомандовала Валя.

Девочки добежали до Песчаной улицы. Там тоже было абсолютно пусто, только жёлтые фонари неравномерно освещали сухой асфальт. Ни в одном из домов не горел свет, словно на всей улице отключили электричество. Непривычную тишину нарушали одни лишь сверчки. Поравнявшись с забором Джины, сёстры остановились перевести дух. У Джины, видимо, все уже спали. Окна были тёмные. Зато у деда Гриши, в той самой комнате с фотографиями на стене и скрипучими стульями, свет горел. Да так, будто туда переехало всё электричество района. И это было единственное

освещённое окно на всём пути от странного дома. Внезапно откуда-то донёсся шум мотора, и с Песчаной улицы на приличной скорости вылетела машина. Яркий свет фар ударил Поле в лицо и заставил прищуриться. Через секунду машина поравнялась с девочками и остановилась. Поле показалось, что она очень похожа на ту, что стояла у дома из жёлтого кирпича. Медленно опустилось чёрное стекло со стороны водителя. И на месте отражения жёлтого фонаря возникло широко улыбающееся какой-то холодной отвратительной улыбкой мужское лицо с маленькими усиками. Верхнюю часть лица почти полностью скрывали старомодные очки с тёмными стёклами, больше похожие на женские. Поля видела такие в журнале с выкройками времен бабушкиной молодости.

– Девчонки, что делаете? – произнесла голова в очках, продолжая противно улыбаться.

– Разве вы не видите? Мозаику собираем! – съязвила Валя. Ей очень не понравилась эта физиономия, и она не собиралась это скрывать.

– Ну конечно! Завтра же суббота! А в пятницу добрые родители, бабушки и дедушки разрешают своим детям, но только если это очень-очень послушные дети, собирать мозаику хоть до самого утра... Вот когда я был маленький, мне разрешали врать только в первую и третью субботу месяца, и только с десяти до четырнадцати часов. Кстати, а какая завтра суббота? – тут голова запнулась, и рядом с ней появилась рука с очень длинными пальцами, которые начали загибать-

ся, что-то высчитывая. – Хотя какая разница! Это всё равно совершенно ничего не меняет. Жаль, что я не стал режиссёром. Иначе обязательно снял бы фильм про таких вот замечательных, вежливых и послушных детей. И назвал бы его – «Дети, которые бессовестно врут».

Произнеся последнюю фразу изменившимся каменным голосом, голова перестала улыбаться. Потом, немного поразмыслив, она добавила:

– Хотя нет, по поводу названия всё же стоило бы сначала посоветоваться с хозяйкой. Это очень, очень ответственно!

– Валя, он мне не нравится, – прошептала Поля, не отрывая взгляд от головы в машине.

– На самом деле, мы идём домой. Это совсем рядом, и нас ждут мама и папа. Они уже наверняка вышли нам навстречу и скоро будут здесь! – уверенно и громко объявила Валя, сделав шаг вперёд и закрыв собой сестру.

– Точно, точно, мама и папа! Вот и идите, идите, и поскорее, не задерживайтесь. Дома хорошо! Но что же делать, если ключ больше не подходит? – промурлыкала голова, хмыкнула и пожала плечами. Потом чёрное стекло плавно поползло вверх, и девочки снова увидели в нём отражение жёлтого фонаря. Машина резко сорвалась с места и скрылась за поворотом в конце улицы. На багажнике отчётливо блеснул контур акулы. Сёстры, взявшись за руки, побежали домой. Совсем скоро они очутились на собственном дворе. «Должно быть, уже совсем поздно, и все уснули», – подумала По-

ля, окинув взглядом окна второго этажа. Но тут же сообразила, что этого не могло быть. Как могли родители спокойно спать, если их дети до сих пор где-то пропадают? Нет, это было невозможно. Валя вскочила на ступеньки и дёрнула ручку. Заперто. Тогда она достала из маленького кармашка сарафана ключ с брелочком в форме туфельки и попробовала вставить его в замочную скважину. Ключ не подошёл.

– Ничего не понимаю! Но откуда этот неприятный тип мог знать про ключ?

– А может быть это он его подменил? – предположила Поля. – Только как, если он даже не выходил из машины?

Девочки принялись стучать в дверь кулаками, что было сил, и звать родителей. Скоро они поняли, что это совершенно бесполезно, и обречённо опустили на жёсткий колючий коврик под дверью.

– Давай разобьём окно. У папы в гараже есть разные инструменты, возьмём что-нибудь тяжёлое и разобьём. Не оставаться же на ночь на улице, – сказала Поля.

– Да, похоже, без вариантов.

Дверь в гараж со стороны двора обычно была открыта. На этот раз она тоже, как и дверь в дом, оказалась заперта. Неожиданно справа от гаража послышалась какая-то возня. Зашевелились ветки маминого розового куста, и со стороны соседей, из под забора, вынырнуло что-то светлое и пушистое. Это был Лисик. Он подбежал к Поле, и цепляясь передними лапами за её сарафан, совершил несколько привет-

ственных прыжков, виляя хвостом как пропеллером.

– Стой, Лисик, прекрати! – как могла уворачивалась Поля. Но Лисик был проворнее. Ему всё же удалось лизнуть Полю в руку и подбородок.

– Что ты здесь делаешь, разбойник?

Лисик сел и задней лапой почесал за ухом. Потом он вскочил, подбежал обратно к забору, от души зевнул и исчез в еле заметном подкопе. Девчонкам не составило большого труда отогнуть угол зелёного гофрированного металла, чтобы освободить себе путь.

Раньше им никогда не приходилось бывать по ту сторону забора. Впереди над густой травой торчали неаккуратно сваленные бетонные плиты, оставшиеся видимо от какой-то большой стройки. Лисик исчез. Свет уличных фонарей сюда не добивал, и только луна освещала пустырь. Девочки тихо подкрались к плитам и затаились рядом со старательно процарапанной на сером бетоне надписью: «Здесь был Гриня».

– Лисик, Лисик! – позвала Поля.

Они дважды обошли плиты вокруг, убедились, что собаки там нет, и по узкой, но основательно протоптанной тропинке направились прочь от забора. Чем дальше сёстры удалялись, тем сложнее становилось идти. Тропинка всё круче задирала вверх. На Валю начало накатывать сомнение. Стоит ли продолжать путь или, может, лучше вернуться, а утром возобновить поиски? Но тут стало ясно, что они достигли вершины холма. Вдалеке внизу маячили два квадрата ярко освещён-

ных окон. Спуск занял гораздо меньше времени, чем утомительный подъём. Особенно потому, что теперь перед глазами была хоть какая-то цель. Тропинка упёрлась в невысокий бордюр, обозначивший начало заасфальтированного пятачка перед входом в двухэтажное здание, похожее на детский сад. Девочки поднялись по ступенькам и утомлённо устали на типичную синюю табличку слева от двери и выведенную на ней золотом надпись: «Общелжитие».

– Что за люди! – возмутилась Валя, – сделали ошибку и даже не потрудились исправить.

Тяжёлая деревянная дверь приоткрылась, и наружу вырвался треугольник яркого света. На его фоне показалась человеческая фигурка. Затем на крыльцо вышла девочка лет восьми со светло-русыми волосами, собранными в две короткие, но пухлые косички, чуть вздёрнутым носом и большими улыбающимися глазами. Она была одета в широкие жёлтые штаны с чёрными накладными карманами в районе коленок и фиолетовую футболку с рукавами-фонариками.

– Здравствуйте, меня зовут София. Я уже давно вас жду. Даже немного вздремнула у окна. Но эта собака так залаяла, – произнесла она и зевнула, прикрывая рот рукой. – Пойдёмте, я покажу вам ваши места. Все дети уже спят. А я сегодня дежурю. Хорошо, что вы наконец пришли, потому что уж очень хочется скорее забраться в кровать. Вчера мне снился интересный сон, и я надеюсь сегодня увидеть продолжение.

– Меня зовут Валя, а это моя младшая сестрёнка Поля.

– Я знаю, меня предупредили. Проходите скорее, а то комаров напустим. Эти комары очень неприятно пищат, уж лучше бы они так кусали, без всяких там звуков, – сказала София, пропустила девчонок вперёд и уверенным шагом направилась в сторону большой лестницы из белого мрамора с массивными каменными перилами на толстых опорах, похожих на кегли для боулинга. Девчонки переглянулись и пошли следом.

– Мы не смогли попасть домой сегодня. И тут увидели Лисика, собаку нашей подруги. Он куда-то сюда побежал, – объяснила Валя.

– Да, он здесь. Наверно у хозяйки, – сказала девочка, продолжая медленно подниматься по лестнице.

– Как? И она здесь?! – взбодрилась Поля.

– Конечно, а где же ей быть? – ответила девочка, оборачиваясь.

Они поднялись по лестнице и оказались в длинном узком коридоре, слабо подсвеченном торчащими из стен светильниками. По полу убегала вдаль ярко фиолетовая ковровая дорожка с мелким геометрическим рисунком. Десятки одинаковых дверей справа и слева, одинаковые светильники и рябившая в глазах дорожка – как игра отражений. Как будто в обоих концах коридора повесили зеркала, отражавшие друг в друге и создававшие ощущение бесконечной картины. Единственное, что не вписывалось в идею с зеркалами.

ми – портреты неестественно разноцветных собак на стенах. Здесь был кислотно-оранжевый английский мастиф, грозный доberman цвета морской волны, похожая на щётку для пыли розово-жёлто-зелёная болонка. «Точно как в гостинице, где мы останавливались с родителями прошлым летом, – подумала Валя, – если бы не эти странные собаки». Она чуть замедлила шаг, и, подождав пока София отойдёт подальше, зашептала Поле в ухо:

– Всё это очень необычно, даже интересно. Думаю, нам нужно остаться до утра. Если Джина здесь, мы должны её увидеть и понять, что вообще всё это значит.

Поля только кивнула в ответ, показывая всем своим видом, что она полностью доверяет сестре. София подошла к одной из дверей и бесшумно надавила на блестящую ручку.

– Проходите, ваши кровати рядом с зелёными ночниками. Только тихо, пожалуйста, – произнесла она еле слышно, – а то вдруг кому-то снится очень хороший сон. Завтра утром увидимся.

Девчонки очутились в просторном зале с потолком такой высоты, что здесь легко можно было бы держать слона. Десятки одинаковых кроватей с одинаковыми жёлтыми ночниками двумя рядами уходили вдаль точно как двери в коридоре. Среди множества тусклых жёлтых огоньков горели две зелёные точки. Девочки на цыпочках стали пробираться к ним, с любопытством рассматривая спящих. Это были дети, мальчики и девочки. Кто-то спал, завернувшись в одея-

ло, так что была видна только взъерошенная голова. Кто-то сбросил одеяло на пол и спал, разбросав руки и ноги. У некоторых на стульях рядом с кроватями были аккуратно развешаны жёлтые штаны с чёрными карманами и фиолетовые футболки.

– Тут их человек сто! – прошептала Поля, когда они добрались до зелёных ночников. – Как такой зал вообще поместился в этом доме? Снаружи дом довольно небольшой. Да и дверей в коридоре миллион. Значит, есть и другие комнаты?

Девочки сбросили туфли и прыгнули в свои кровати.

– Какой матрас мягкий! И пахнет здесь вкусно.

Действительно, в комнате стоял еле заметный аромат ежевичных конфет-тянучек. Валя сладко зевнула, запустила руку под подушку и вытащила оттуда шуршащую упаковку. Поля моментально проделала то же самое. Под её подушкой оказался точно такой же пакет с конфетами. На пакете был изображён собачий профиль и надпись – «Елжевичное У».

– Снова с ошибками! – сказала Валя.

В пакете оказались тянучки в форме собак, и все – только со вкусом ежевики. Девчонки уселись на кровати, подложив под спины подушки и по плечи натянув одеяла. Они сидели так ещё долго, пока пакеты с «Елжевичным У» полностью не опустели.

Что-то тёплое и мягкое прикоснулось к Валиной руке, и она разлепила глаза. Беззаботно улыбающееся и, кажется, знакомое лицо нависло над ней. Точно также в детстве её будила мама. В детстве?! А сейчас тогда что? Валя посмотрела по сторонам, и в памяти вмиг всплыли вчерашние события.

– Вставайте сони, а то завтрак проспите! Сегодня фиолетовая каша и ватрушки со свиным творогом.

– Творог не бывает свиным. Его делают из молока, который дают коровы. А свиньи только хрюкают и ничего не дают. Из них делают отбивные, – объяснила Поля. Она сидела на кровати напротив и медленно натягивала непослушный школьный сарафан.

– Сейчас сами увидите, – сказала София.

Через несколько гигантских окон весеннее солнце щедро обжаривало невероятных размеров зал с потолком, до которого вряд ли можно было допрыгнуть, даже если поставить друг на друга двадцать пять тумбочек. Сон моментально улетучился. Почти все кровати были застелены, лишь несколько суetyщихся фигурок шуршали яркими комбинезонами, собираясь на завтрак.

В коридоре Поля хотела было повернуть туда, откуда они пришли вчера. Но София тронула ее за плечо и молча указала в другую сторону. Там, в самом конце коридора видне-

лись массивные деревянные двери, а рядом круглый желтый огонек. Лифт.

София хлопнула ладонью по кнопке вызова, которая тут же засветилась красивым рубиновым светом. Двери лифта были настоящим произведением искусства. Их выпуклые детали, покрытые блестящим лаком, извивались растительным узором, обрамляя витражи из мелких разноцветных стёкол. Казалось, лифт гораздо старше здания и попал сюда из дома какого-нибудь богатого аристократа. Витражи осветились, и кнопка вызова погасла. София взялась за две латунные ручки и с усилием потянула на себя. Девочки прошли во вместительную прямоугольную кабину. София нажала на одну из сотни круглых кнопок, на каждой из которых были выгравированы непонятные значки, и кабина бесшумно поплыла вниз.

Сначала они спускались довольно медленно. Потом заметно ускорились. У Поли даже перехватило дух. Когда лифт, мягко подпрыгнув, остановился, кто-то потянул за ручки с внешней стороны, и в кабину ворвался звон посуды и детский гомон. Точно как в школьной столовой. Выйдя наружу, сёстры очутились в огромном помещении без окон. Всюду были дети. И это было похоже на взбесившийся улей, населённый бегающими или затаившимися за длинными столами жёлто-фиолетовыми мальчиками и девочками. София провела Полю и Валю к одному из столов, на котором стояли одинаковые тарелки с фиолетовой кашей, блюдца с плюшка-

ми и кружки с ярко красным напитком.

Внезапно шум как по команде стих. Внимание десятков глаз застыло в одной точке. Этой точкой был направленный в потолок толстый указательный палец. Он принадлежал появившейся откуда-то большой туче в странной одежде, похожей на рясу священника. Одной рукой она прижимала к себе Лисика, одновременно почёсывая ему за ухом. Лисик почему-то сидел очень смиренно.

– Доброе утро, дети! – громогласно поздоровалась туча. – Сегодня у нас праздник – День настоящих родителей. Кто знает, кто такие настоящие родители?

Она обвела присутствующих холодным надменным взглядом. Кое-где в воздухе несмело потянулись руки. Туча ткнула коротким пальцем в бледного мальчика, сидевшего как раз напротив девчонок.

– Настоящие родители – это те, благодаря кому я появился на свет. Это самые близкие люди, которые всегда думают обо мне, любят меня. И что бы не случилось, всегда рядом и готовы прийти на помощь.

– Как тебя зовут? – туча скривилась и смерила мальчика презрительным взглядом.

– Петя Ганнушкин.

– Шулик! – крикнула туча. Где-то об пол звякнула ложка.

И тут рядом с ней возник тот самый тип из машины, с маленькими усиками. Только сейчас он был без очков.

– Шулик, вот этому Пете Ганнушкину две пачки тянучек сегодня вечером!

Усатый чрезмерно плавным театральным движением достал из кармана брюк блокнот, красный карандаш и быстро заскрипел грифелем по бумаге. Потом таким же нарочитым жестом он убрал блокнот, изобразил головой поклон и спешно удалился, улыбаясь резиновой улыбкой. Когда он проходил мимо Вали, от неё не скрылась весьма странная деталь

его гардероба – чёрные сандалии, надетые на ярко жёлтые носки. Валя вспомнила, как в художественной школе они изучали сочетания цветов. В природе жёлтый вместе с чёрным сообщает окружающим об опасности. Пчёлы, тигры говорят таким образом: «Держись от меня подальше»...

– У тебя, Петя Ганнушкин, мозги вывернуты не на ту изнанку, – прошипела туча, прервав Валины мысли. – Но это мы исправим. Двойной порцией прощения и заботы.

– А разве бывает несколько изнанок?

– Ты совсем не умеешь правильно думать, Петя! А пока ты не научишься, думать за тебя буду я. Как можно считать своим родителем того, кто, например, заставляет тебя чистить зубы?!

Туча показала Пете жестом, что он может сесть.

– Это очень даже хорошо, что среди нас есть Петя. Ведь благодаря Пете, мы только что увидели, что дети бывают очень разные. Всё потому, что у них совершенно разные родители. Логично?

София так активно кивнула, что угодила кулаком в тарелку с кашей.

– В общем, родители бывают биологические, зоологические, географические и ещё очень-очень много разных видов. Надеюсь, это всем... непонятно?

Одна девочка, не перестававшая трести рукой, вдруг вскочила и пробарабанила:

– Моя мама подарила мне куклу, которая не понравилась,

поэтому теперь я живу на фабрике. И теперь моя мама – Кира Адольфовна.

– Да-да, правильно, молодец! – удовлетворённо произнесла туча и, опустив глаза, продолжила:

– Итак, если всем непонятно, то это хорошо. Потому что всё понятное начинается там, где непонятное становится полнейшим абсурдом. Так вот, когда такому вот Пете вдруг открыли глаза на то, что его родители не очень-то настоящие. Потому что хоть и родили его и учили говорить «агу», чего он, может быть, совсем не хотел... А потом и вообще стали заставлять чистить зубы, которые всё равно однажды выпадут. Я уже не говорю про школу, уроки и прочие мерзости. Именно когда стоит Петя и не понимает, что со всем этим делать, и появляется настоящий родитель. Он говорит Пете: мир очень сложный, родителей только видов разных миллион. Ну и вот зачем ты заикнулся на этих, которых ты называешь своими? Выбери уже себе нормальных!.. Но! Петя еще очень слаб и не умеет сам правильно думать. А как вы знаете, в вопросах, по которым ребёнок сам не в состоянии принять решение, такое решение за него принимает кто?.. Правильно! Взрослый. Тогда этот настоящий родитель говорит Пете: я позабочусь о тебе и приму за тебя решение. И от имени Пети назначает настоящим родителем себя самого. Потому что именно такое решение принял бы сам Петя, если бы ему не запудрили мозги его ненастоящие родители, которые... и в это ужасно поверить... помимо всего прочего

кормили его белой гадостью, которую какая-то сельская дурьнда выдавила из коровы.

– Кира Адольфовна, – не унимался Петя, – я никак не пойму, у нас же каждый день праздник...

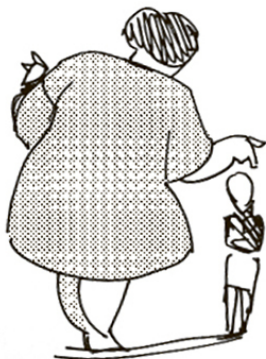
– Да-да, ты прав, ты прав. За последние два года не было ни одного буднего дня, поэтому мне совершенно некогда работать.

– Но мы же работаем в праздники? Я имею ввиду детей.

– Хм. Действительно, – Кира Адольфовна нахмурилась, потрепала Лисику ухо, потом лицо её прояснилось, и она ответила:

– В праздники нельзя работать только взрослым, а детям можно. Потому что вам нужно успеть урвать побольше, пока молодые... Что-то у меня уже, кажется, голова разболелась... или колено заныло.

С этими словами она спешно удалилась, зажав двумя руками притихшего Лисика. Дети тут же схватились за ложки, и зал наполнился тем звуком, который обычно наполняет школьную столовую во время завтрака.

Оказалось, что фиолетовая каша на вкус действительно ничем не отличается от привычной белой. И творог в плюшках совершенно обычный. И даже напиток в кружках был просто фруктовым чаем. Зал дружно жевал, как хорошо отлаженный механизм. После того, как шаги тучи стихли, Валя вскочила с места. Ей не терпелось отыскать Джину. Но София так настойчиво сдавила ей руку и так строго на неё посмотрела, что она не решилась выйти из-за стола. Потом прозвенел звонок, и дети начали покидать столовую. Валя и Поля в сопровождении Софии тоже направились к выходу.

– Ты должна помочь нам найти нашу подругу Джину! – сказала Валя тоном, не терпящим возражений.

– С радостью, но я первый раз слышу это имя. Возможно, она из другой смены.

Так девчонки узнали, что все дети здесь распределены по трём сменам. Завтракают они отдельно. А после завтрака все отправляются на работу. У каждой смены свой участок работы, и они почти не пересекаются.

– Здесь у вас что-то вроде трудового лагеря, – сказала Валя со знанием дела. – Мне папа рассказывал, что такие были раньше, когда он был маленький. Очень интересно посмотреть, чем вы тут занимаетесь.

На этот раз в лифт набилось человек пятьдесят детей. Кто-то нажал на кнопку, и лифт бесшумно заскользил вниз.

– А с какой стати эта ваша Кира Адольфовна забрала себе

Лисика? – не выдержала Поля.

– Потому что собаки её очень любят! – гордо объявила София. – Она нам сама это рассказывала.

– Да уж, как же её не любить, когда тебе в шею впиваются железные шипы. Я всё видела, когда она проходила мимо. Лисик раньше никогда не носил строгий ошейник.

Лифт остановился, открылись двери, и девочек обдал сильный запах ежевичных тянучек. Гудели какие-то агрегаты, что-то скрипело, шипело и щёлкало. Поток детей вынес их из кабины. Большая часть запрыгнула в кузов ожидавшего жёлтого электрокара. Когда тот отъехал, мигая кружками габаритных огней, сёстры увидели три громадных блестящих цилиндра, поднимавшихся до самого потолка.

– Это основной цех и главные резервуары, – сказала София, – здесь производят «Елжевичное У».

Из основания одного из цилиндров медленно выползала широкая серая лента, на которой ровными рядами лежали фиолетовые тянучки. По потолку в разные стороны разбежались десятки металлических труб разного диаметра, похожих на рукава гигантской рубахи. Везде были дети, одетые в жёлто-фиолетовые костюмы. Кто-то наблюдал за приборами, кто-то складывал коробки штабелями, кто-то нёс вёдра или белые мешки с непонятными фиолетовыми надписями.

– А почему такое странное название – «Елжевичное У»?

– Сначала я расскажу вам про нашу фабрику.

София повернулась лицом к девчонкам и приняла позу

экскурсовода.

– Вы уже наверное поняли, что фабрика находится глубоко под землёй. Она носит имя нашей замечательной хозяйки Киры Адольфовны Швиненбаум. И здесь производят только один вид тянучек. Кира Адольфовна уверена, что самые вкусные тянучки – елжевичные. Так оно и есть на самом деле. В год фабрика производит около ста двадцати тонн продукции. Сама хозяйка съедает в день по две коробки, в каждой из которых находится сто упаковок по двести грамм тянучек. Примерно столько же съедают дети – работники фабрики. Остальное снова пускается в переработку. Помимо основного цеха, здесь есть ещё упаковочный цех, цех злости, распаковочный цех, цех плавления готовых конфет и цех для тех, кому пока не нашлось работы в других цехах. Таким образом, все дети обеспечены работой. Кира Адольфовна справедливо считает, что дети должны трудиться, чтобы зарабатывать деньги на конфеты.

– А деньги выдают наличными или на карточку? – спросила Валя.

– Не знаю, – ответила София, – их никто никогда не видел. Потому что на всё заработанное дети покупают конфеты. Кира Адольфовна решила, что для удобства и надёжности все деньги должны храниться у неё, а конфеты детям просто выдают в конце каждого дня. Их кладут сразу под подушку. Ведь правда, удобно?

– Это больше похоже на рабство, – сказала Валя.

Но София как будто не расслышала.

– Раньше дети ходили в школу, занимались в кружках и секциях, но теперь этого ничего нет. Потому что в этом нет никакого смысла. Кира Адольфовна уверена, что всё, что нужно детям – это иметь достаточно денег на конфеты, смотреть мультики, и главное ни о чём не думать. Кира Адольфовна постоянно находится вот там, – София вытянула руку, указывая на три больших окна над цехом.

– Там она сидит на своём любимом диване и много-много думает за всех.

– А этот странный чудак по имени Шулик, который как-то умудрился подменить Валин ключ?

– Он – главный по собакам! Об этом чуть позже. Хотела бы вернуться к вашему вопросу про название «Елжевичное У». Здесь всё проще, чем кажется. Когда Кира Адольфовна рисовала эскиз для упаковки, она забыла, как пишется «удовольствие», через «а» или через «о». В пользу буквы «а» говорило возможное происхождение этого слова от «удавить». Но она не была уверена на все сто. Вот и решила оставить только первую букву. Вышло очередное интересное творческое решение нашей хозяйки. Если хотите услышать мое мнение, то лично я считаю всю эту грамматику пустой тратой времени. Главное понятно же, что внутри упаковки что-то елжевичное.

– Абсурд! – вырвалось у Вали. – Удивительный лагерь!

– А сейчас попрошу за мной!

София повернулась спиной и запустив руки в карманы, зашагала хозяйской походкой.

«Цех злости» – так было написано на табличке при входе в следующий зал. Толстое зеленоватое стекло делило ослепительно белое и ярко освещённое пространство на две части. Через отверстия в стекле торчали металлические прутья. Стекло отделяло не по-детски спокойных детей от взбудораженных собак. Когда собаки затихали, дети при помощи прутьев приводили их в бешенство. И те снова начинали рычать, оголяя острые клыки.

– Здесь из собачьей слюны получают злостин, – пояснила София. – Его добавляют в «Елжевичное У». Кирой Адольфовной было доказано, что злостин делает человека целеустремлённым. И он идёт напролом, несмотря ни на какие внешние или внутренние преграды. А это очень важно для воплощения главной мечты любого человека.

– А какая главная мечта любого человека? – Валя окинула Софию холодным взглядом. Ей был неприятен этот цех и то, что в нём происходило.

– Очевидно же. Куча денег и конфет.

– Получается, ради этого здесь мучают собак? Да и дети что-то не очень счастливо выглядят. Они скорее похожи на роботов.

– А вы разве мечтаете о чём-то другом? – едко усмехнулась София.

– По-моему, самое главное, быть вместе с теми, кого лю-

бишь, и чтобы никто никогда не ссорился, – уверенно проговорила Поля.

– Хм, – фыркнула София, – какая глупость!

Эта девочка, показавшаяся такой милой на первый взгляд, теперь совсем не нравилась Поле. И она решила не спорить.

В следующий зал вела узкая дверка, рядом с которой к стене была прикручена табличка с непонятным «ЦДТКПН-НРВДЦ».

– А что такое «ЦДТРВЭ...»? Это склад, где вы храните ненужные согласные буквы? – поинтересовалась Валя.

– Это и есть «Цех для тех, кому пока не нашлось работы в других цехах». Сегодня это ваше место работы.

– И что же мы будем здесь делать?

– Ровным счётом ничего! – радостно сообщила София.

Цех был размером со школьный класс, только совсем без окон. И стены его были абсолютно пусты, если не считать большие круглые часы, длинная металлическая стрелка которых монотонно отстукивала секунды. Из мебели – только расставленные несколькими рядами стулья с серыми спинками. Несколько длинных прямоугольных ламп излучали холодный белый свет. На стульях тут и там сидели дети и совершенно ничего не делали. Когда девчонки вошли, дети разом повернулись, окинули их скучающим кислым взглядом и снова погрузились в своё безделье. София усадила сестёр на стулья и молча удалилась.

– По-моему, какая-то страшная глупость эта фабрика.

Производить тонны конфет, чтобы потом их снова переплавлять в такие же конфеты. Лучше бы отправили детям в Африку. И этот дурацкий цех, где единственная работа заключается в том, чтобы сидеть без работы. Они тут даже в потолок не плюют, сидят просто как восковые фигуры. А Джину мы так и не нашли, – шёпотом сказала Валя.

– Да уж, – Поля повернулась к сидевшему рядом мальчику.

– Эй, мальчик! Ты давно тут ммм... вот так работаешь?

– Вообще-то здесь нельзя разговаривать.

Поля взглянула на него презрительно, поёрзала на стуле, рассматривая остальных.

– Дали бы хоть краски с бумагой или пластилин. Или книгу почитать, – вздохнула она, потом громко добавила:

– Ребята, есть у кого-нибудь книга или хотя бы тетрадка с собственными сочинениями?

Но никто не ответил...

– Нет, я так не могу. Сидеть и совсем ничего не делать – это настоящая пытка.

Поля вскочила со стула.

– Пошли отсюда!

Она схватила Валу за руку и потянула к выходу.

В основном цехе всё так же кипела работа. Сёстры, стараясь не привлекать внимания, устремились к лифту. Красная кнопка вызова ярко горела. Рядом с лифтом спиной к ним стояла девочка в жёлто-фиолетовом костюме. По густой коп-

не чёрных волос Поля сразу узнала Джину. Она подбежала и изо всех сил обняла подругу. На удивление, Джина резко и грубо отстранилась.

– Ты чего? – удивилась Поля. – Мы давно тебя здесь ищем! И родители тебя ищут. Все!

– Вам какой этаж? – спросила Джина, когда все трое оказались в лифте.

– Самый верхний! – воскликнула Поля. – Подруга, ты чего?

Джина нажала какие-то две кнопки, и лифт поплыл вверх.

– Разве мы с вами знакомы?

– Что с тобой? – присоединилась Валя. – Ты же не могла нас забыть за два дня!

– Извините, но я вас первый раз вижу, – спокойно ответила Джина.

– А как же школа? Лисик? Родителей своих, может, ты тоже не помнишь?

– В школах давно никто не учится, потому что это бессмысленно. Лисик – новая собака Киры Адольфовны. А родителей своих я действительно не помню. Мне это неинтересно. Они привели меня сюда, когда я была совсем маленькой, и оставили. А Кира Адольфовна воспитала меня, сделала из меня правильного, целеустремлённого человека. Я ей за это очень благодарна. Как и другие дети. Может, вы ещё не знаете. Но фабрика – это только начало. Это ещё конфетки, а ягодки будут потом.

– Цветочки.

– Простите, не поняла?

– Это ещё цветочки, а ягодки будут потом. Русская пословица, – сказала Валя.

– Да всё равно! – фыркнула Джина.

– Но это же неправда! – возмутилась Поля. – Лисик – ваша собака! Твоя мама Марина сказала нам вчера утром, что ты ушла одна в школу. Ещё раньше пропал Лисик. Вот почему мы здесь. И сейчас мы все пойдём домой!

– Я уже дома, девочки. Фабрика – мой дом. Я так для себя решила.

Лифт остановился. Джина толкнула двери и сделала шаг наружу. Потом вдруг развернулась и поглядела на Валю и Полю с холодной ухмылкой.

– До свиданья, девочки! Хорошего вам дня. Это мой этаж, вам выше.

Двери зашуршали, возвращаемые доводчиком. Лифт снова бесшумно заскользил вверх.

– Ты что-нибудь вообще понимаешь, Поля? Я совершенно ничего. Как она могла всё забыть? Что им тут подсыпают в их свиной творог, отчего они становятся идиотами?

Выбравшись из кабины, сёстры снова очутились в коридоре с портретами собак. Быстро, ни на секунду не задерживаясь, мимо десятков одинаковых дверей, они вышли к белой лестнице. Потом спустились на первый этаж.

– Смотри, Валя!

Над выходом поблескивала фиолетовыми плитками простая мозаика: «Правда – это ложь, ложь – это правда».

Девочки выскочили на улицу, добежали по тропинке до бетонных плит, потом до забора из зелёного гофрированного металла. Как вчера они отогнули плохо прикрученный металлический лист и оказались во дворе своего дома.

Поля дёрнула ручку двери гаража. Как и прежде, гараж был заперт. Мимо шумно проехала машина-поливалка. Только не привычного оранжевого цвета, а синего, как васильки. Девочки поднялись на крыльцо дома. Там дверь легко поддалась.

– Вот так приключение! – сказала Валя. – Никто не поверит. И это только первый день каникул. Почему же никто никогда не рассказывал, что за нашим забором и пустырём есть это странное общежитие и фабрика?

– Ага, и столько дураков в одном месте, которые вообразили, что фиолетовая манка вкуснее обычной, хотя нет совершенно никакой разницы, – заметила Поля. – Но что нам делать с Джиной?

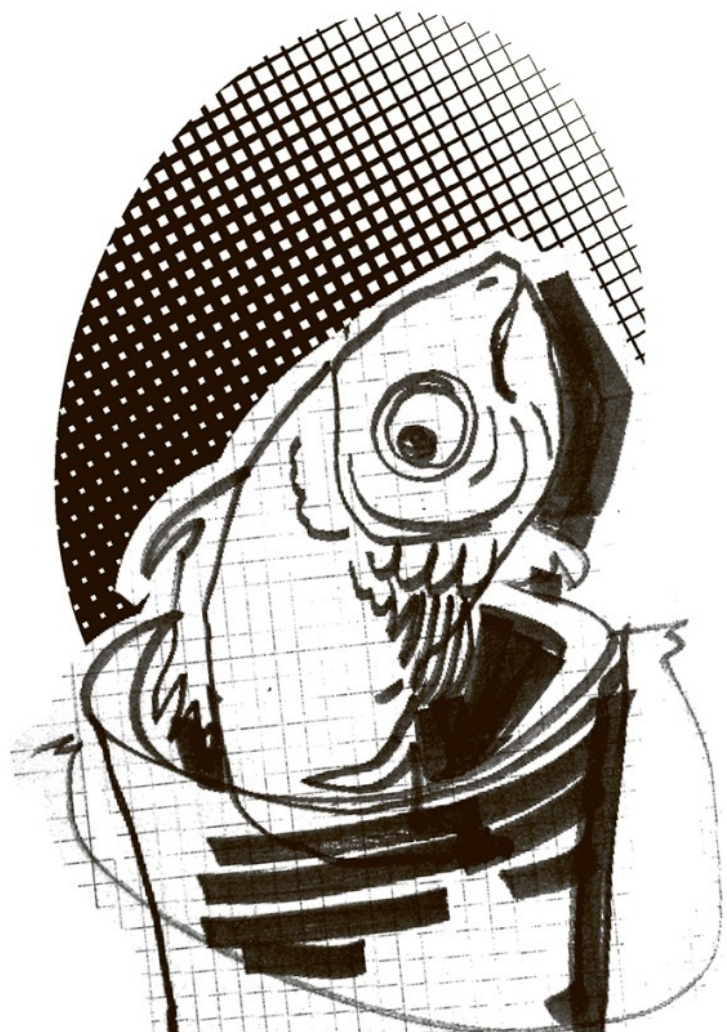
– Сейчас пойдём и расскажем обо всем тёте Марине. Потом вернёмся туда вместе. Если нужно, с полицией.

– Точно, и скорой помощью. Там явно есть те, кому она нужна.

Девчонки влетели по лестнице на второй этаж, в свою комнату. Поля подбежала к шкафу, распахнула дверцы и застыла на месте. Вместо юбок, платьев и кофточек на неё смотрела глухая кирпичная стена. Валя выдвинула ящик письменного стола, в котором хранила заколки и резинки. Ящик оказался сплошным куском дерева. На столе лежала

книга «Маленький принц» Экзюпери, которую им на ночь читал папа. С ней что-то было не так. Приглядевшись, Валя поняла, что это только муляж – только обложка, наклеенная на толстый картон. И тут начался настоящий киношный обыск. Валя взялась за остальные ящики, шкатулки, коробочки. А Поля – за полки с книгами. Всё было ненастоящее. Когда комната стала похожа на жилище, в которое проникло семейство бешеных обезьян, сёстры без сил опустились на ковёр у стены, на островке не тронутом хаосом. Тишина звенела от напряжения. Минут десять они с серьёзными лицами сидели, уставившись на кирпичную стену за приоткрытой дверью шкафа. Потом, не сговариваясь, вскочили и бросились на кухню.

В шкафчике над столешницей стояли белые керамические банки с крупами, мукой и сахаром. Теперь банки стали полыми кусками керамики. Холодильник превратился в целый кусок железа. И только нижние ящики, в которых раньше хранились кастрюли и сковородки, ломались от упаковок «Елжевичного У». А рядом с плитой, на полу, девчонки обнаружили пластмассовое ведёрко с самой настоящей недавно выловленной рыбой – подмороженным ротаном. На стене у входа на кухню висел календарь с красной рамкой для числа. Почему-то рамка стояла на дате «девятое декабря». Эта странность сразу привлекла внимание Поли, ведь она лично передвигала её каждое утро.

Раздался звонок в дверь. Девчонки добежали до коридора, но у самой входной двери остановились в нерешительности.

– Если мы вроде дома, но в то же время не дома, то кто это может быть?

Валя аккуратно приоткрыла дверь, стараясь делать это бесшумно, и просунула в образовавшуюся щель голову. У калитки на улице стоял какой-то мальчик в зелёных шортах и полосатой сине-красной футболке. Мечтающие о парикмахерской тёмные волосы на его голове перьями торчали в разные стороны. Мальчик всё время напряжённо вглядывался в даль улицы, поэтому Валя осталась незамеченной. Он нажал на звонок во второй раз, повернулся и увидел приоткрытую дверь.

– Девочки, мне нужно вам что-то сказать, это важно. Не бойтесь!

Валя застыла на месте, настороженно уставившись на сестру. Поля пожалала плечами, потом решительно распахнула дверь и вышла на крыльцо.

– Привет! Меня зовут Ким. И я знаю, что у вас дома всё ненастоящее.

Так Валя и Поля познакомились с Кимом. Когда девчонки впустили его, он сразу уверенной походкой направился на задний двор, где по-хозяйски уселся на тяжёлую дубовую скамейку под прозрачным навесом летней веранды, словно

бывал здесь уже не раз.

Ким извинился за внезапное вторжение, а потом рассказал свою историю.

Несколько лет назад его папа купил ветхий полуразвалившийся дом на Янтарной улице. Старый дом снесли и на его месте построили новый кирпичный. Однажды, когда Ким с папой занимались уборкой на лужайке перед домом, косили траву и собирали её в мешки, подъехала большая чёрная машина. Из неё вышли двое. Они позвали папу и долго о чём-то с ним говорили. Вернулся он будто не в себе. Ким спросил, что случилось. Но папа только ответил: «Ничего, разберёмся». Несколько дней папа был хмурым. Он всё время молчал, его явно что-то тревожило. А потом однажды не вернулся домой с работы. Ким понимал, что это как-то связано с их новым домом, в который они собирались скоро переехать. На следующий день он отправился на Янтарную. И снова увидел там большую чёрную машину.

– С запасным колесом и серебристой акулой! – догадалась Поля.

– Точно!

Ким открыл дверь своим ключом и зашёл в дом, но там никого не было. Правда, кое-что изменилось. Появилась странная чёрная коробка.

– Кажется, я понимаю, что было дальше, – сказала Валя, – потому что с нами произошло то же самое.

– Но почему теперь у нас дома всё ненастоящее? – спро-

сила Поля.

– Да потому что здесь всё ненастоящее. Правда – это ложь, ложь – это правда. Думаю, вы видели эту надпись. По одной из версий, много лет назад, даже сложно представить когда, в этих краях жила молодая крестьянка. Каждый день, включая воскресенья и праздники, она пасла коров. Эта девушка так много врала, что однажды старший брат не выдержал, схватил и бросил её в самый глубокий колодец в деревне. Но она была такая врунья, что ей удалось обмануть время, пространство и законы физики. Этой девушкой была Кира Адольфовна. Только звали её, конечно же, по-другому. Как – никто не знает. Сейчас мы не в настоящем мире. Этот мир возник, когда Кире Адольфовне удалось обмануть пространство и время. Местами он очень похож на наш, но полностью построен на лжи. Поэтому-то и в вашем доме всё ненастоящее. А если вы дойдёте до конца улицы, то увидите, что там начинается пустыня. Там только песок и ветер перекачивает одинокие верблюжьи колючки. Если вы пойдёте в другую сторону, потом повернёте направо и будете идти всё время прямо и прямо, то упрётесь в высокий ржавый забор, стоящий поперёк улицы. Кира Адольфовна хочет, чтобы её считали аристократкой и всячески пытается забыть о своём прошлом в деревне с коровами. Но сколько бы она не съела «Елжевичного У», это знание сохранилось и мучает её. Поэтому на фабрике запрещено любое упоминание коров, молока и даже говядины.

– Ах, вот откуда взялась фиолетовая манная каша и свиной творог! – воскликнула Поля.

– Да-да, так и есть.

– А почему тут одни только дети? Почему кроме самой квадратной тучи и этого Шулика, мы не видели ни одного взрослого?

– Потому что детям легче стереть память. Чтобы заставить их делать то, что нужно этим двоим. Вы же замечали, что если плачущему грудничку показать игрушку, которая ему нравится, он начнёт улыбаться и тут же забудет о своей горе. Кира Адольфовна с Шуликом при помощи своих фиолетовых конфет день за днём, по капле стирают их истории. Многие дети здесь совершенно не помнят своих родителей и то, что было с ними раньше. Хозяйка фабрики утверждает, что Злостин делает человека целеустремлённым. Но это, естественно, неправда. Злостин делает человека слепым и глупым. И тот просто начинает повторять чушь, которую придумали хозяева фабрики. Тем, кто много врёт, бывает достаточно пары пакетиков «Елжевичного У», чтобы забыть всё подчистую. Но есть и такие, чья память сопротивляется, прячет дорогие воспоминания в своих самых укромных уголках.

– Как этот Петя Ганнушкин, – вспомнила Валя. – Так вот почему Джина нас не узнала?

– Ваша подруга была большой лгуньей, на неё не пришлось тратить много тянучек. Думаю, теперь её уже не по-

лучится вернуть, – сказал Ким грустно. – Теперь она верит, что жила здесь всегда.

– И что Лисик не её собака, а этой квадратной тучи, – нахмурившись, проговорила Поля.

– Но откуда ты всё это знаешь? – спросила Валя, внимательно слушавшая рассказ Кима.

– У меня аллергия на местную ежевику. Меня от неё тошнит. И мне много что удалось узнать.

– Очень у тебя полезная аллергия! – сказала Поля и улыбнулась.

– Однажды, под плитами на пустыре я нашёл вот это. Ким вытащил из бокового кармана шорт сложенный гармошкой сильно измятый и пожелтевший лист бумаги, развернул его и протянул девчонкам. Это была карта, заполненная большим количеством квадратиков, обозначавших дома. Улицы выглядели как две параллельные линии. Длинным прямоугольником было отмечено общелжитие. Поля и Валя обнаружили рядом с ним озеро. А пустырь оказался гораздо больше, чем они себе представляли. Он занимал почти всю нижнюю правую сторону. Над всем этим зелёным фломастером была аккуратно выведена надпись: «Лжебург». Часть карты была нарисована старыми сине-фиолетовыми чернилами. Другая часть более свежими – чёрными и тёмно-синими.

Девчонки вернули карту. Ким снова аккуратно свернул её и положил в карман.

– Я кое-что дорисовал, многого здесь не было. Но нам луч-

ше поспешить. Вас, должно быть, уже ищут.

– И что нам делать? – Валя тревожно взглянула на нового друга.

– Бежать!

– Но как, Ким?!

– При помощи моей карты. Я знаю, где находится переход в настоящий мир.

– Почему же ты сам все ещё здесь? – спросила Поля.

– Где-то в Лжебурге они спрятали моего папу, и я должен его найти.

– Как же мы спасём Джину, если сами сбежим? Да и остальных ребят тоже жалко, – сказала Валя.

В этот момент перед домом резко затормозила машина.

– Идите за мной! – вскочив с места, скомандовал Ким.

Они пересекли задний двор. В углу забора виднелся небольшой лаз, прикрытый ветками вьющегося хмеля. Ким отодвинул ветки и исчез в образовавшейся норе.

– Ну что вы там стоите, давайте скорее сюда! – позвал он.

За забором оказалась улица, хотя в настоящем мире за ним находился соседский участок, хорошо просматриваемый из окна девчонок. Таких жутких мест в своём районе они раньше не встречали. Асфальт был неровный, весь в заплатках и колдобинах. Узкие серые дома торчали из земли как кривые зубы. Некоторые вторым этажом нависали прямо над дорогой. Девочки изо всех сил пытались не отстать от Кима. Извилистая улица привела их на гигантскую площадь.

Из изъеденного рытвинами асфальта тут и там пробивалась жёсткая трава. К центру площади её становилось больше. А дальше начиналось самое настоящее болото, со всех сторон окружавшее сильно накренившийся дом из красного кирпича с ржавой металлической крышей. Дом вырастал прямо из мутной зелёной воды, и было совершенно непонятно, как он там оказался.

С площади они свернули в узкий переулок и уткнулись в забор, нижняя часть которого находилась примерно в метре от земли, что выглядело довольно нелепо. Проскочив под забором, ребята очутились в совершенно ином месте. Кривой асфальт сменился гладко выложенной брусчаткой. Вдаль уходила ровная прямая улица с большими палисадниками и аккуратными одноэтажными домиками. Здесь было много цветов. Пёстрыми коврами тут и там раскинулись изящные клумбы с астрами, колокольчиками и розами. Ким бежал впереди, иногда оборачиваясь, чтобы убедиться, что девчонки поспевают за ним. Сначала они держались дороги, потом свернули к бледно-розовому дому, протиснулись через густой низенький колючий кустарник и оказались во дворе другого дома. Затем выскочили на соседнюю улицу. Тут Ким остановился, достал карту и некоторое время напряжённо смотрел в неё. Удивительно, что до сих пор они не встретили ни одного человека. Хотя день был в самом разгаре. Не было ни детских криков, ни щебета птиц. Только слабый тёплый ветерок доносил еле уловимый запах ежевичных тя-

нучек. Ким убрал карту в карман и огляделся по сторонам. Они снова пустились в путь. И тут где-то рядом раздался шум мотора. Из-за угла, в нескольких домах от них, на улицу на большой скорости ворвался чёрный автомобиль и теперь стрелой летел в их сторону.

– Скорее! – крикнул Ким и дёрнул Полю за руку прочь с дороги. Они снова перебежали чей-то задний двор и оказались ещё на одной улице, очень похожей на две предыдущие.

– Здесь! – сказал Ким, останавливаясь около красивой клумбы с крупными розовыми цветами, названия которых девчонки не знали.

– Прыгайте скорее в центр клумбы! Сейчас они уже появятся!

– Но как же... – попробовала возразить Поля.

– Нет времени! Поговорите с дедом Гришей, обязательно!

Девчонки что было сил оттолкнулись от земли и почти одновременно перенеслись в самую гущу цветника. Тут же почва под ними сделалась мягкой, и они начали медленно проваливаться внутрь прямо пахнущего цветочного ковра, как во фруктовое желе.

Под ногами, на которых налипли продолговатые розовые лепестки, был песок. Он был твёрдый, давно слежавшийся, местами заросший травой и одуванчиками. Приглядевшись, Поля обнаружила, что стоят они в старой квадратной песочнице, деревянные бортики которой терялись в густой траве и сорняках. В нескольких метрах от песочницы возвышался двухэтажный дом из жёлтого кирпича. Тот самый новый жёлтый дом, который переместил их вчера в Лжебург. Теперь они знали, что это дом Кима. Мимо, шипя струёй воды, распыляемой по асфальту, проползла оранжевая машина-поливалка. Было утро. Наверно, часов девять. Солнце жарило уже вовсю. К песочнице подлетел тяжёлый мохнатый шмель и грузно сел на фиолетовый цветок, отчего тот покачнулся. Шмель недовольно зажужжал и полетел дальше в поисках более устойчивой площадки для отдыха. Где-то, в одном из соседних дворов, слышались детские голоса.

Девчонки выбрались на улицу и направились в сторону своего дома. Когда они вошли в калитку, дверь открылась, и им навстречу выскочили мама и папа. Родители подбежали, и после трогательных объятий все четверо ещё несколько минут ошарашенно стояли на улице. Мама улыбалась, но по её щекам скатывались слёзы.

– Мы всех уже обзвонили, полиция приезжала! Вы в по-

рядке? Как можно было уехать и никому ничего не сказать? Где вы ночевали?

Выслушав шквал вопросов, девчонки рассказали историю, которая с ними приключилась. Родители молча выслушали, потом недоверчиво переглянулись, и мама спросила:

– Это Джина всё придумала? Она у вас известная выдумщица.

– Мама, но это же самая настоящая правда! Скажи, Поля?

– Мы звонили родителям Джины. У них долго никто не подходил к телефону. Но вчера ближе к вечеру ответил мужчина. Он назвался племянником хозяйки мамы Лисика... кажется так, – сказала мама, – имя у него ещё необычное. Павиан Христофорович или что-то в этом роде. Он почти плакал в трубку, объясняя, что родители Джины срочно уехали к ее тётке, которая подхватила воспаление лёгких, катаясь на самокате под дождём. Ещё он сказал, что вы вместе с Джиной поехали на экскурсию на кондитерскую фабрику, но обещали вечером вернуться. Очень странный мужчина. Не знала, что у Джины есть тётя.

– А я не знал, что собаки породы чихуахуа поддерживают родственные связи через своих хозяев, – поддержал папа.

– Ладно, бегите скорее переодеваться. Хорошо, что всё закончилось благополучно, – сказала мама. – И спускайтесь завтракать.

– Они не верят ни одному нашему слову, – пробормотала Поля, открывая шкаф. Там висели платья и другая их одеж-

да. Валя выдвинула верхний ящик письменного стола – закладки и резинки были на месте. А на столе лежала самая настоящая книга – «Маленький принц» Экзюпери.

– А ты, Поля, сама бы поверила, если бы тебе кто рассказывал такое?

– Конечно, нет.

На завтрак была манная каша. Белая, как обычно. Ещё круассаны с маслом и абрикосовым джемом. Поля бросила взгляд на календарь. Красная рамка указывала на дату «двадцать шестое мая».

После завтрака сёстры вышли на улицу и по подсохшему асфальту направились в сторону дома деда Гриши.

– Помнишь, – спросила Поля, – что Митька говорил про деда Гришу? Как его находили на других улицах, а он бредил про какие-то клумбы.

– Я сразу поняла, что старик знает гораздо больше. Теперь-то я догадываюсь, почему он не стал делиться своей историей. Он уже наверно пробовал когда-то, но ему не поверили. Так же, как и нам – мама с папой. Многие до сих пор считают его сумасшедшим.

– Ну теперь-то мы такие же сумасшедшие, – сказала Поля и перепрыгнула маленькую лужицу, оставленную поливалкой.

Дед Гриша открыл не сразу. Валя несколько раз нажала на звонок, прежде чем послышалось шарканье старых туфель во дворе. Поля успела сбегать к калитке Джины и позвонить

на всякий случай к ним. Но там, конечно же, никого не было. Девочки не сомневались, что странный Павиан Христович, с которым вчера разговаривали родители, не кто иной, как Шулик.

Дед Гриша, увидев девчонок, сначала нахмурился и хотел было проворчать что-то в свойственной ему манере. Но Валя решительно опередила его:

– Мы знаем про Лжебург!

Одна густая бровь деда приподнялась. Он с минуту стоял так и смотрел на девчонок, раздумывая. Потом раскрыл калитку во всю ширь и предложил войти. На этот раз он позвал их в старую деревянную беседку. Там на столе стоял самовар, блестящий одним боком, и банка с прозрачной жидкостью.

– Я вот самовар решил почистить, – угрюмо пояснил дед Гриша.

Девчонки в красках описали, как провели ночь на фабрике, про встречу с Джиной и про Кима. Дед Гриша слушал молча и всё время покачивал головой. Когда рассказ был окончен, он улыбнулся. Но не весело, а скорее с какой-то тоской. И наконец произнёс:

– Да, я знал, что эта история ещё напомнит о себе.

– Может, вы теперь расскажете нам всё, что знаете? И что вы имели в виду, когда упомянули клумбу с часами? – умоляюще глядя на деда, попросила Валя. – Нам нужно найти способ вернуть Джину.

– Хорошо, – дед Гриша недоверчиво прищурился, – но

только никому! Слушайте... Когда я был примерно вашего возраста, наша семья жила недалеко отсюда. Мы вчетвером – с мамой, папой и братом Колей занимали одну комнату в длинном деревянном бараке. После войны многие люди жили в таких. Тогда молодёжь увлекалась туризмом. Туристы собирались группами, набивали рюкзаки провизией, всем необходимым и шли в поход. Иногда доезжали куда-нибудь на поезде или на электричке, а дальше пешком. Летом мой брат собрался в поход на Кольский полуостров, в Хибинны, со своими друзьями. Они должны были доехать на поезде до Кировска, а дальше две недели жить в палатках на природе. Я им очень завидовал, потому что видел, как тщательно они готовились, как горели у них глаза. Но втайне верил, что мне тоже предложат пойти. В какой-то момент, устав ждать приглашения, я сам обратился к брату с просьбой взять меня с собой. Но он только улыбнулся и сказал, что я ещё слишком молод для походов. Тут все мои надежды рухнули. Я полночи не спал. Всё думал, как это чудовищно несправедливо с его стороны – оставить меня в городе, а самому купаться в горной речке, готовить еду в котелке на огне, петь песни под гитару вечером у костра. Мне было очень обидно. На следующий день, когда родители были на работе, брат куда-то уехал, а мы с мальчишками лупили по мячу в соседнем дворе, кто-то залез к нам в комнату и вытащил у брата из рюкзака конверт, в котором были деньги их группы и билеты на поезд. Билеты остались, как были, вместе с кон-

вертом. А вот все деньги пропали. Приезжала милиция на мотоцикле, всех опрашивали. Дошла очередь и до меня. Я заявил, что видел, как перед уходом брат вытащил из рюкзака деньги и положил их в карман.

– Ужасная подлость! – не сдержалась Валя. – Это же нечестно!

Дед Гриша не разозлился. Он только очень грустно посмотрел на Валу и продолжил.

– Так и есть! До сих пор не могу себя простить. Каждый день думаю, как бы сложилась моя жизнь и жизнь брата, если бы тогда я не соврал так жестоко. Но в тот момент меня полностью захватила нелепая детская обида. Всё кончилось тем, что родители заняли у соседей, собрали нужную сумму и отдали ребятам. А брат через несколько дней после происшествия взял рюкзак и уехал. Он не мог и не хотел жить после этого в нашем городе, где на него теперь смотрели как на вора. Родителям он сказал, что едет на большую стройку в Братск. Там на реке Ангара как раз началось строительство гидроэлектростанции. С тех пор своего брата я больше не видел. Знаю только, что позже он перебрался в Якутию. Я страшно пожалел о случившемся в тот же день, как уехал брат. И до сих пор не проходит дня, чтобы мой старый глупый мозг не гонял эти мысли. Потом пропал наш Шарик. Собака. Он жил в будке во дворе. А тут вдруг исчез, оставив свою длинную цепь одиноко валяться рядом с будкой. Мы надеялись, что он вернётся. Но этого так и не произо-

шло. Однажды утром к нашему дому подкатил большой чёрный ЗИМ. Из машины вышли двое. Они были одеты довольно странно. Мужчина в больших очках с тёмными стёклами, жёлтых носках и чёрных сандалиях. Женщина, большая и квадратная, в мешковатом синем платье или халате – ни рук, ни ног не видно. Тот в очках посмотрел сквозь открытое окно, заметил меня, улыбнулся какой-то неприятной едкой улыбкой и поманил меня пальцем. Я вышел на улицу, узнать, что им нужно. Он сказал, что у них есть посылка от моего брата. Но только она у них дома. И предложил мне съездить и забрать посылку.

– И вы поехали? Мы бы никогда этого не сделали, правда Валя? – произнесла Поля. – Все же знают, что нельзя садиться в машины к незнакомым.

– Нельзя. Это точно.

Тут дед Гриша замолчал и уставился на низенькую яблоню рядом с каменной дорожкой.

– А что было потом? – Вале не терпелось услышать продолжение.

– А потом они довезли меня до старого одноэтажного дома неподалёку. Было видно, что в доме давно не живут. Мы прошли внутрь. Потом что-то сверкнуло. Очнулся я на Курском вокзале. Причём был я гораздо старше, а память моя была как чистый лист. Через какое-то время она постепенно начала возвращаться. Я вспомнил, что после того, как оказался с теми двумя в старом доме, они дали мне какую-то

чёрную коробку. Сказали, что это и есть посылка от брата. Потом мы вышли из дома, но только не там, где вошли. Был ещё один выход. И он вёл на большой пустырь. Так я оказался в Лжебурге. Меня вернули обратно только через несколько лет. Ещё вспомнилось, как кто-то из работников фабрики Киры Швиненбаум рассказывал, что где-то есть огромная клумба, посреди которой две большие стрелки часов, а цветы высажены так, что образуют собой цифры. И цифр там не двенадцать, как в обычных часах, а тридцать одна.

– Клумба с часами! – вскрикнула Поля.

– Да, верно, клумба с часами! И что, если повернуть стрелки, так, чтобы часовая стрелка указывала на месяц, а минутная на день, то можно вернуться домой. Причём в тот день, когда произошло событие, из-за которого попал в Лжебург.

– То есть можно изменить свое прошлое? – догадалась Валя.

– Именно, – ответил дед Гриша, – можно исправить свою роковую ошибку. Я всегда верил в то, что человеку, который раскаивается в своем ужасном поступке, должен быть дан второй шанс. И очень ждал этого шанса. После работы на фабрике у нас оставалось свободное время...

– И вы смотрели мультики? – не удержалась Поля.

– Видимо, Кира Адольфовна ещё не догадывалась тогда о магических свойствах телевизора полностью затягивать детей в вымышленную реальность, – сказал дед Гриша и улыб-

нулся. – Поэтому вечерами мы просто гуляли на пустыре или играли в это... во что обычно играют дети, когда телик сломался? Так вот, первое время, когда мне ещё не полностью стёрли память, и я помнил историю с братом, мне не давали покоя эти часы. С тем мальчиком с фабрики мы каждый день после работы обходили несколько улиц Лжебурга, составляя карту. Я отмечал на ней места, где мы уже побывали, чтобы не запутаться. Однажды уткнулись в большой ржавый забор, который перерезал улицу поперёк и шёл прямо по крышам домов. Но, к сожалению, нам так и не удалось найти клумбу с часами. Скоро наша с ним память стёрлась совсем. Как-то раз, вытащив из кармана карту, я уже не мог вспомнить, зачем она там лежит, и как туда попала. А потом и вовсе обронил её где-то на пустыре.

– Ким нашёл вашу карту и продолжил заполнять её! – гордо объявила Валя.

– Он нашёл клумбу с часами?

– Все произошло так быстро. Этот наш побег. Мы не успели спросить его об этом, – Поля грустно посмотрела на деда. Она до сих пор сомневалась, правильно ли они сделали, что послушали Кима и вернулись домой ни с чем.

– Вы, как я понял, попали в Лжебург не по своей вине, а потому что хотели найти вашу подругу.

Девчонки кивнули.

– И у неё совсем не осталось памяти! – тихо произнесла Валя.

– Тогда, как я и думал, вернуть Джину теперь можно только через клумбу с часами.

– Но откуда мы узнаем, когда произошло то событие, которое вызвало её исчезновение? – воскликнула Валя.

– В Лжебурге почти всё ложь. Но в её основе должны быть какие-то реальные события. Правда гораздо сильнее лжи. Даже когда её стирают такие «умельцы» как Кира Адольфовна со своим Шуликом, она оставляет следы и зацепки, как путники делают зарубки на деревьях в лесу, чтобы найти дорогу назад. Так и с правдой. Даже если она заблудится, рано или поздно всё равно возвращается. Поэтому эти двое не так могущественны, как может показаться на первый взгляд. Вспомните, видели ли вы там что-то необычное, что выбивалось из общей картины? Потяните за эту ниточку и поймёте, с чего всё началось...

Тем вечером Валя и Поля долго лежали в своих кроватях, размышляя над словами деда Гриши.

– Очень жаль его. Столько лет прошло, а он так ни разу и не видел своего брата, – вздохнула Поля и рассеянно уставилась в потолок.

– Валя, слушай! А давай напишем письмо этому Николаю!

– Поля, ты гений! Дед Гриша называл его адрес, я помню: город Мирный, Комсомольская 24, квартира 3.

Валя спрыгнула с кровати, подбежала к столу, включила настольную лампу и достала из ящика чистый лист и ручку. Потом она вскочила на кровать к Поле, села рядом и начала

писать:

«Уважаемый Николай (простите, но мы не знаем вашего отчества)!

Вы нас никогда не видели, нас зовут Валя и Поля. Мы знакомы с вашим братом Григорием, потому что живём рядом, и знаем историю, которая произошла с вами давным-давно. Дед Гриша добрый и хороший, но при этом очень одинокий человек. Он каждый день вспоминает тот случай. Мы думаем, что он бы всё отдал, чтобы исправить свою ужасную ошибку. Если бы вы могли простить его, это сделало бы вашего брата гораздо счастливее».

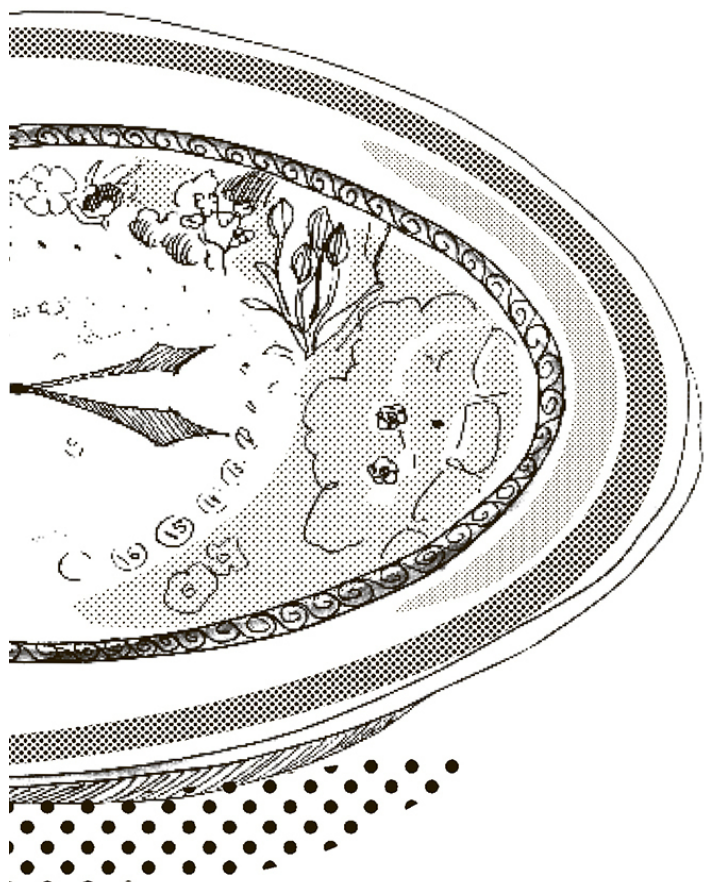
Закончив предложение, Валя протянула листок Поле, чтобы та перечитала. Поля, пробежав глазами письмо, выхватила у сестры ручку и добавила:

«И вы могли бы наконец встретиться и вместе выпить чаю с пирожками. У деда Гриши, то есть Григория, вашего брата, отличный самовар. Он его как раз только что почистил специальной прозрачной жидкостью в такой маленькой бутылочке».

– По-моему отлично получилось! – сказала Валя и улыбнулась, довольная проделанной работой.

– Да, – выдохнула Поля. – Может, ещё нарисовать деда Гришу? Здесь внизу место осталось, как думаешь?

Но Валя уже свернула листок. По выражению её лица Поля поняла, что идея с рисунком сестре не очень понравилась.

На следующее утро после завтрака девчонки побежали на почту и отправили письмо, указав в верхнем левом углу конверта обратный адрес деда Гриши. На тот случай, если Николай решит ответить.

Выйдя с почты, они обнаружили, что напротив, с другой стороны улицы, открылся рыбный ресторанчик. Ещё месяц назад на его месте была цветочная лавка с милой, сильно краснеющей продавщицей. Она всегда закручивала в кудри края ленточки. Хотя папа каждый раз вежливо просил этого не делать. Теперь в витрине стоял гигантский аквариум. Сёстры перешли дорогу, чтобы ближе разглядеть пятнистых рыб, зависших за зеленоватым стеклом витрины. Только благодаря медленно открывающимся ртам и покачивающимся плавникам было понятно, что это живые рыбы, а не пластиковые муляжи.

– Поля, я вспомнила! У нас на кухне, там в нашем ненастоящем доме в Лжебурге, была живая рыба. Это было единственное настоящее во всём доме.

– А как же «Елжевичное У»?

– Ну да, оно вроде тоже было настоящее. Только его там везде полно. Видимо, они не успевают переплавлять все эти тонны конфет, вот и распихивают их по домам. Но рыба живая там точно была не к месту. И ведёрко то самое, с кото-

рым папа на рыбалку ходит.

– Да, его ведёрко. Ещё там что-то не так было с календарём, число странное.

– Всё верно! Девятое декабря. В тот день папа ездил на рыбалку и привёз ротанов. А потом ещё рассказывал, помнишь? Что ротан выживает при любых условиях, в любых водоёмах. И даже если ротана заморозить, ему ничего не сделается. Ещё сказал, что в жизни человека бывают такие ситуации, когда кажется, что всё, выхода нет. И если кто-то из нас попадёт в такую, будет хорошо вспомнить эту рыбу, которой всё ни по чём, и которая даже после нескольких часов в морозильной камере способна сохранить искру жизни.

– Валя!!! Это же как раз тогда произошла та история с Костиком Королёвым. Он после этого в другую школу перешёл! Рыбы за стеклом, кажется, услышали Полины слова и вышли из своего рыбьего оцепенения.

Девятого декабря того года в школе действительно произошла неприятная история. После большой перемены Джина вбежала в класс вся в слезах. На расспросы Елены Николаевны она заявила, что Костик выхватил у неё тетрадь и хотел порвать. Джине удалось отобрать тетрадь. А Костик со злости ударил её в живот. И ещё сказал, что заберёт Лисика и отвезёт так далеко, что его никто никогда больше не найдёт. Девчонки видели только самого обидчика, бегущего с тетрадью по коридору. Что было потом, они не знали, но подтвердили историю Джини Елене Николаевне. Они вери-

ли Джине. Да и зачем ей врать? Они ведь лучшие подружки.

На следующий день родителей Костика и его самого вызвали к директору. После этого Костик в классе больше не появился. А Елена Николаевна сказала, что родители решили перевести его в другую школу.

– А что если тогда он на самом деле её не ударил? – засомневалась Поля. – Мы же не видели как всё было? Своими глазами?

– Одно ясно. Нам не надо было тогда говорить, что мы всё видели! Если он ни в чём не виноват, получается, мы поступили с ним как дед Гриша со своим братом?

– Это не то же самое, – возразила Поля, – дед Гриша злился на брата, а мы просто защищали свою подружку.

– Если бы мы её, как ты говоришь, не «защищали», она была бы сейчас здесь, а не на фабрике Швиненбаум.

Вечером после ужина девчонки подбежали к папе, который сидел на диване в гостиной с большой старой книгой в потёртом коричневом переплёте. Они запрыгнули на диван, и Валя, устроившись поудобнее и положив голову папе на плечо, сказала:

– Папочка, а у меня вопрос!

– Та-ак! – улыбнулся папа, закрывая увесистый томик.

– Допустим, один твой друг, не кто-то конкретный, но он точно является твоим другом... так вот, этот друг сказал про другого человека, что тот напал на него и ударил. Ты этого сам не видел, но это же твой друг, и, значит, ты веришь ему?!

– Допустим.

– Как бы ты поступил? Подтвердил бы перед другими его слова? Понимаешь, это же друг, но с другой стороны... сам ты ничего не видел.

Папа бережно положил книгу на журнальный столик. Потом очень внимательно и серьёзно посмотрел на Валу.

– Это очень-очень хороший друг. Разве она... то есть он, может обманывать? – сказала Поля, заёрзав на диване с другой стороны от папы.

– Девчонки мои, даже те, кого мы считаем своими друзьями, иногда нам врут. К сожалению. Дети часто сочиняют не задумываясь. Но со временем враньё может стать привычкой. Некоторые так привыкают, что создают вокруг себя целые миры. А потом начинают верить, что их воображаемый мир и есть реальность. Самое печальное, что они начинают втягивать в свою реальность окружающих. Я стараюсь избегать таких персонажей. Но если вашу подругу... то есть друга... еще можно спасти, не дать окончательно запутаться, я бы обязательно попытался. Возможно, он будет вам благодарен за это. И, конечно же, вы точно можете помочь тому, кто незаслуженно пострадал или ещё пострадает от этого вранья. Поля, это опять какая-то история с Джиной?

– Помнишь, папочка, когда зимой ты приехал с рыбалки, мы рассказывали, как Костик Королёв ее ударил?

– Да, жуткая история!

– Так вот, мы тогда сказали неправду Елене Николаевне.

На самом деле мы не видели, что у них произошло. И теперь нам очень стыдно.

Поля замолчала и нахмурилась, а Валя закивала, надув губы. Папа крепко прижал их к себе.

Девчонки знали, что он не сердится. И конечно понимали, что он верит в них, верит в то, что они смогут восстановить справедливость. Было совершенно очевидно, что папа считает их уже очень взрослыми.

– Если вам потребуется моя помощь, вы знаете, что я всегда с вами, – только добавил он.

Оказавшись в своей комнате, Валя закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и посмотрела на Полю, точно как папа. Или, может, просто как старшая сестра.

– Мы должны вернуться в Лжебург и найти Кима, – сказала она.

– Да, Валя, я тоже давно об этом думаю. И притом в самое ближайшее время!

Жёлтый свет фонаря мутно отражался в стекле, покрытом слоем то ли мелкого песка, то ли пыли. На улице было абсолютно тихо. Ни звуков от проезжавших машин, ни человеческих голосов. Только лёгкий тёплый ветерок принёс еле уловимый запах ежевичных тянучек. Теперь девчонки знали, откуда здесь этот запах. Они стояли около дома из кирпичевого кирпича. На этот раз они были одеты не в школьную форму, а на их спинах висели компактные лёгкие рюкзаки – розовый у Вали и синий у Поли. На руке у старшей сестры блестели мамины часы, которые были заметно велики, поэтому болтались циферблатом вниз на тоненьком Валяном запястье. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого. Дома это было двадцатью минутами одиннадцатого утра. Здесь была самая настоящая ночь.

– Двинем в сторону школы, – сказала Валя, когда они вышли на улицу.

– Почему туда, а не на фабрику?

– Помнишь карту Кима?

Поля кивнула.

– Так вот, там была наша школа, и её контур был несколько раз обведён чёрной ручкой. Я думаю, это не просто так. Так или крестиком обычно помечают место назначения на карте незнакомого города.

– Ты думаешь, там мы найдём Кима? – улыбнувшись, воскликнула Поля.

– Ну или хотя бы поймём, почему на карте он выделил именно школу.

Девчонки молча добрались до своей улицы, не встретив ни одной живой души. На них не залаяла ни одна собака, что было немислимо в их настоящем районе, где собаки никогда не спят. И стоит кому-то пройти ночью по улице, тут и там раздаётся лай. Когда они проходили мимо своего дома, Поля замедлила шаг.

– Валя, может, зайдём? Мне очень интересно, стоит ли там ещё папино ведёрко с рыбой.

Валя остановилась, задержалась на минуту и молча повернула к калитке. Мимо оцепеневших кустов полисадника, и вот они уже на пороге своего ненастоящего дома. Девчонки вошли через незапертую дверь, оказавшись в тёмной прихожей.

– Странно, правда? – сказала Поля. – Это вроде бы твой дом и всё же какой-то чужой, холодный. Потому что уже знаешь, что здесь не будет как обычно. Не выйдет навстречу мама в фартуке, папа не будет сидеть на диване с книгой. И пахнет здесь... ты заметила Валя? Совсем не как дома. Не маминым пирогом, а какой-то горелой бумагой и этим фиолетовым «У».

В доме было темно и безжизненно. Поля робко нажала на выключатель, но свет не загорелся. Потом она нащупала

ручку тумбочки рядом с вешалкой. Там всегда лежал папин фонарик, тяжёлый, железный. Фонарик действительно был там. Поля попыталась взять его, но тот намертво прирос к тумбочке.

– Ничего, – сказала Валя. Порывшись в своем рюкзаке, она достала точно такой же фонарик – папин настоящий, и протянула его Поле.

– Какая ты всё-таки молодец! – похвалила сестра. – Всегда знаешь, что пригодится в путешествии. Не то что я: взяла с собой только четырёх Басиков. Я бы, конечно, всех захватила, но остальные не поместились в рюкзак. Ты же знаешь, они не могут без меня долго.

Поля щёлкнула кнопкой, и на стене прихожей возник жёлтый круг света.

– Не боишься? – спросила Поля.

– А чего бояться? Ведь даже если тут есть привидения, они ненастоящие.

Девчонки прошли по коридору к гостиной. Поля посвети-

ла в комнату фонарём. На вид – всё как всегда. Даже старый коричневый томик там, где обычно. Рядом с фотографией в белой рамке. Поля успела взглядом ухватить в тусклом луче света известное во всех подробностях изображение: она в красно-белом полосатом платье, руки за спиной, с улыбкой до ушей, напротив бабушкиного дома, а рядом Валя в голубом платье с букетом полевых цветов в вытянутой над Полиной головой руке... Все вещи на своих местах. Только непривычно тихо, как-то пусто, и запах совершенно не их гостиной.

– Смотри, Валя! Ведёрко так и стоит! – воскликнула Поля, когда они вошли в кухню.

Полю почему-то обрадовала мысль, что здесь ничего не изменилось. Она направила луч в голубое пластиковое ведро. Там, как и в прошлый раз, лежало несколько рыб. Кое-где даже остались не успевшие растаять льдинки. Зимой это было бы в порядке вещей. Папа всегда приносил с рыбалки ведёрко, в котором лежала рыба вперемешку со снегом и льдом. Но сейчас уже конец мая, и это совершенно неестественно. Потом Поля навела фонарь на стену, где висел календарь. Красная рамка на девятом декабря.

– Здесь как будто всё застыло во времени. Вечное девятое декабря, – произнесла Валя. Она подошла к столешнице и выдвинула верхний ящик. Вместо столовых приборов – сплюснутые пакеты «Елжевичного У». Валя открыла рюкзак и принялась горстями перекидывать туда шуршащие пакеты

из ящика.

– Зачем они тебе? – удивилась Поля.

– Как это зачем? Вернёмся домой, сдадим в лабораторию для опытов. А что, если этот злостин действительно полезен? Может, его можно использовать в медицине, как используют змеиный яд.

Девчонки не стали подниматься в свою комнату. Было понятно, что там тоже всё по-прежнему. Поля захлопнула дверь, погасила фонарь, и они устремились в сторону школы. По пути они не встретили ни одного освещённого окна и снова ни одного человека. Только жёлтые фонари одиноко склонялись над пустынной улицей.

– Валя, как думаешь, дожди здесь бывают? – вдруг спросила Поля, когда они подошли к знакомой калитке.

– Меня больше интересует, почему ни разу не залаяла ни одна собака. Если Кира Адольфовна так их любит, то логично же, что в её ненастоящем мире должно быть полно собак?

Валя схватилась за холодную ручку и потянула калитку на себя. Та пронзительно закричала, приоткрылась наполовину и уткнулась в асфальт.

– А ещё интересно, почему из всей огромной кучи классов, свет забыли выключить именно в моём.

– Может, и не забыли.

Четыре окна второго этажа – окна Полиного класса что-то слабо подсвечивало. Свет был мягкий и тёплый, будто от ночника.

Поля и Валя постояли минуту, задрав головы и безуспешно пытаясь уловить движение в окнах. Потом через хорошо знакомые тяжёлые двери проникли внутрь.

Всё как обычно. Трёхрогий турникет, стол охранника с мониторами. Вот только витрина напротив входа, на полках которой хранились кубки и медали школьных чемпионов, оказалась набита пакетами с фиолетовыми тянучками. Над ней и дальше во всю стену до кабинета директора к стене были приклеены блестяще-жёлтые буквы. «Ложь – это правда. Правда – это ложь», – еле слышно прочитала Поля.

Стараясь не шуметь, девочки поднялись на второй этаж, подкрались к Полиному классу и остановились в нерешительности. Из класса доносилась музыка.

– Это же «Кукушка», моя любимая! – шепнула Поля и в такт закачала головой.

Лукавая искорка проскочила в Валиных глазах. Она резко дёрнула ручку и, схватив Полю за руку, влетела в класс, волоча за собой смеющуюся сестру.

В этот момент что-то с грохотом обрушилось на пол. Посреди класса стоял застывший Ким и выпученными глазами смотрел на них. В правой руке он сжимал синий карандаш. Рядом с ним валялся только что опрокинутый стул. Когда Ким разглядел непрошенных гостей, его лицо осветилось улыбкой, и он бросился навстречу Вале и Поле.

– Здорово же я испугался! Разве так можно? – по-прежнему улыбаясь, проговорил он, крепко обняв обеих девчо-

нок, как железная щупальца, поднимающая мягкие игрушки в игровом автомате. – Но как вы меня нашли?

Поля осмотрелась. Почти все парты были придвинуты к стене. И только две совмещённые стояли посередине класса. На них, под низко наклонённой настольной лампой, была разложена карта Кима. В двух шагах от стола Елены Николаевны, у окна, расположилась совсем здесь неуместная треугольная палатка. Музыка играла из магнитофона с учительского стола. На доске было аккуратно выведено: «Девятое декабря».

– Валя, смотри! Здесь тоже! – Поля подошла к доске и провела пальцем по букве «я». С буквой ничего не произошло. Она потёрла сильнее, но это не помогло. Как будто писали не мелом, а краской.

– Я думаю, мы не ошиблись. Всё действительно началось с того случая с Костиком Королёвым. Ким, мы тебе сейчас всё объясним! – сказала Валя. – Ты был прав насчёт деда Гриши. Нам теперь много что известно. Например то, что твою карту начал рисовать именно он много лет назад. И, кажется, я поняла, почему только в его окне горел свет, когда мы были здесь в прошлый раз. Это была та самая ниточка, за которую нужно было ухватиться!

Валя начала быстро-быстро со всеми подробностями рассказывать, как их встретили родители, что произошло с дедом Гришей в детстве, про рыбу в ведёрке, девятое декабря и про письмо в город Мирный. Поля знала, что Валу не оста-

новить, пока она сама не решит сделать паузу. Она подошла к столу Елены Николаевны и с размаху плюхнулась на мягкий учительский стул. «Никогда не видела класс с этой стороны. Оказывается, отсюда очень удобно наблюдать за всем, что происходит». Её взгляд упал на стопку знакомых обложек в правом углу стола. Это были тетради её одноклассников. Из-под них выглядывал корешок классного журнала. Поля, придерживая тетради, вытащила журнал и раскрыла на странице, заложённой полоской ткани. «Странно, откуда у меня две тройки по английскому и две тройки по русскому? А у Митьки по чтению целых семь двоек. Он же лучше всех читает в классе».

– Ребята, смотрите! Я здесь троечница!

Валя, которую бесцеремонно прервали, бросила на сестру рассеянный взгляд, а Ким подошёл к учительскому столу и заглянул в журнал.

– Хочешь фокус покажу? – предложил он.

– Давай!

Ким взял журнал, встряхнул его хорошенько, как бутылку с кетчупом, и вернул Поле.

– Теперь открывай!

Поля медленно и осторожно, будто это был не журнал, а музейная редкость, перевернула несколько страниц и оказалась на нужной. Теперь вместо троек напротив её фамилии стояли пять аккуратненько выведенных почерком Елены Николаевны пятёрок.

– Совсем другое дело! – удовлетворённо сказала Поля. – Только это наверно страшно неудобно, когда цифры вот так вот прыгают по клеткам, как воробьи по веткам.

Она улыбнулась получившейся рифме.

– Это точно. А вот ещё один фокус, – сказал Ким.

Он взял с подоконника коробку гуаши и кисточку, открыл две банки – с синей и красной красками.

– Если смешать синий с красным, какой цвет получится?

– Фиолетовый, – не раздумывая, ответила Валя.

– Сейчас посмотрим!

Ким зачерпнул кисточкой густой красной краски и размазал по лежавшей на парте пластмассовой палитре, потом добавил туда большую каплю из синей банки и размешал.

– Вот это да! – выдохнула Поля.

На палитре образовалось большое жёлтое пятно.

– Хочешь, сама попробуй! – Ким протянул Поле чистую кисточку.

Поля повторила то же самое. Когда она тщательно размешала две краски, рядом с жёлтым пятном Кима возникло бледно-голубое её пятно.

Потом они по очереди с Валею стали заполнять палитру смесью красной и синей красок. Каждый раз у них получался новый цвет.

– Как такое может быть?! – Валя повертела в руках палитру, подставляя её под разными углами к свету, и вернула сестре.

– А вот так! Вы же помните портреты собак, которые развешаны по коридорам общелжития? Их рисовал один местный художник. Я слышал, что он мечтал стать большим мастером, пробовал писать пейзажи и натюрморты, но отчаялся и забросил, потому что ничего серьёзного в здешних условиях создать нельзя. Всё очень непредсказуемо, никакой логики и стабильности. Никогда не знаешь, рисуя апельсин, получится у тебя гранат или карликовый арбуз.

– Скажи, Ким, а ты видел клумбу с часами? – спросила Валя. Поля оторвалась от красок и застыла с кисточкой в руке.

Ким ответил не сразу. Он подошёл к парте, взял свою карту, бережно свернул её в гармошку и убрал в карман шорт. Потом заполз в палатку, долго там что-то искал, и, наконец, вынырнул.

– Идёмте, – сказал он, – я вас кое с кем познакомлю!

Следуя за Кимом, Поля и Валя вышли из школы и направились не в сторону улицы, на которой жили в настоящем мире, а совсем в противоположную. Тёмные фасады домов выглядели неуютно и безжизненно, как давно брошенные декорации. Девчонки уверенно шагали по освещённому жёлтыми фонарями асфальту, жадно глаза по сторонам. Через несколько минут пути впереди показался высокий ржавый забор, в который упиралась дорога. Вероятно, она проходила под ним и тянулась дальше с другой его стороны. Забавно, что это мрачное ограждение стояло прямо посередине двухэтажного деревянного дома. Словно гигантский нож разрешил постройку, как пирог, на две части, немного отодвинул их друг от друга и замер.

Ким не торопился, давая девчонкам насмотреться. Он незаметно скользнул за половинку стены. Потом с игривой улыбкой выглянул оттуда и помахал рукой.

– Пойдём здесь! Они не смогут застать нас врасплох, как в прошлый раз.

Место, куда они попали, было похоже на пространство за сценой кинозала, как в культурном центре, где Валя занималась балетом. А дом напоминал игрушечный домик для кукол. Такой, что раскладывается на две половинки. Вот только мебель, ковры и даже стоявшая на столе пустая ваза тут

тоже были аккуратно разрезаны пополам.

– Чудеса! – протянула Поля.

Земля под ногами была очень твёрдая, чёрная, гладкая и блестящая. Точнее это была вовсе не земля, а какое-то искусственное покрытие из материала, похожего на виниловую пластинку. С противоположной стороны разрезанного дома вдаль уходил ровный и однообразный ржавый забор. Ким, видимо, бывал здесь уже много раз, поэтому просто терпеливо ждал. А Поля и Валя с любопытством разглядывали каждую деталь.

– Здесь всё настоящее? – спросила Поля.

– Такое же, как в вашем доме, где мы встретились в первый раз, – ответил Ким.

На стене, над половиной дивана, из торца которого выглядывали пружины, деревянный каркас и мягкая светлая набивка, висела половина фотографии в половине рамы. На фотографии крупным планом был изображён мужчина в пиджаке. Было видно, что слева от него находится женское плечо. Плечо кого-то, кто изображён на другой половинке фотографии, наверно оставшейся по ту сторону забора.

– Идёмте! – позвал Ким из глубины этого необычного коридора. Он зажёл фонарь и светил им себе под ноги. Свет отражался от блестящего покрытия, как от зеркала. Девочки, точно во сне, медленно продвигались в его сторону. Они прошли так ещё несколько разрезанных домов, одну разрезанную пополам машину, собачью будку и даже уличную

сушку для белья. С одной стороны бельевые верёвки были привязаны к металлической опоре в форме буквы «Т», а с другой – они просто зависли в воздухе ровно обрезанными концами. На некоторых верёвках висели половинки одежды.

– Эти жулики и вправду обманули законы физики, – заметила Валя.

– Хорошо всё-таки, что здесь нет собак, правда? – сказала Поля, поёжившись. – Не хотела бы я сейчас встретить полсобаки.

Ким выключил фонарь. Коридор неожиданно кончился. Впереди показалось тёмно-синее небо. «Такой цвет неба бывает на стадионе, когда одновременно светит множество прожекторов». Только теперь Поля почувствовала, что земля под ногами стала приятно мягкой. Перед ними действительно было поле, очень похожее на футбольное, покрытое ровно постриженной травой. Следуя за Кимом, они постепенно удалялись от ржавого забора. И скоро оказались рядом с приземистой одноэтажной постройкой с маленькими квадратными окошками и ржавой, точно как забор, металлической лестницей, ведущей на крыльцо. Ким перемахнул через две ступеньки, стукнул несколько раз кулаком в дверь и прислушался. Изнутри глухо, но отчётливо послышался собачий лай. Дверь со скрипом открылась, и на пороге появился старик с огромным загнутым вниз носом и седой бородой, доходившей ему до колен. Лай стал заметно отчётливее и громче. Внутри была крошечная темень. Когда глаза старика привыкли к свету жёлтого уличного фонаря, он широко улыбнулся, узнав Кима.

– А, это ты! Давненько не заходил, – сказал он, обрадовавшись гостю. Потом окинул быстрым взглядом девчонок и добавил:

– Добрый вечер, милые барышни!

– Здравствуйте, дедушка Паук, – ответил Ким. – Это Поля и Валя. Мои хорошие друзья.

– Ну раз ты привёл их ко мне, значит точно хорошие! – улыбка ещё шире растянулась на скуластом лице старичка. – Что ж, проходите!

Он придержал дверь, пропуская Кима и его спутниц в маленький пустой холл. Потом щёлкнул выключатель, и загорелся тусклый свет свисавшей с потолка, как огромная капля, лампочки. Девчонки прошли в следующее помещение и увидели множество клеток, составленных пирамидами до самого потолка. В клетках были собаки самых разных пород и просто дворняги. Собаки подняли такой приветственный шум, что Валя даже прищурилась и закрыла уши руками. Хозяин провёл ребят вглубь помещения и впустил в тёмную каморку. Ким захлопнул дверь, и шум тут же прекратился. В каморке было довольно уютно. Над круглым столом, который казался слишком громоздким для такой небольшой комнаты, горела единственная лампочка в большом красном абажуре, отчего вокруг стола распространялся тёплый оранжевый свет. Стены помещения оставались во мраке. В стороне от стола стояли два старых, но на вид очень уютных кресла с высокими спинками.

– Располагайтесь. И извините за шум! – сказал старичок, гостеприимно улыбаясь.

– Так вот, где все собаки Лжебурга! – проговорила Поля.

– Вы ошибаетесь, милая барышня! Все эти собаки привезены из настоящего мира. Фрау Швиненбаум верит в то, что собаки любят её больше, чем остальных людей. Даже больше

собственных хозяев. Она забирает каждую понравившуюся ей собаку. Однако через несколько дней становится понятно, что собака к ней абсолютно равнодушна или и того хуже, просто боится её строгого ошейника. Это очень обижает Киру Адольфовну, и она бросает собаку сюда. А себе берёт новую в настоящем мире, каждый раз надеясь, что на этот раз будет по-другому. Но ни одна собака так и не привязалась к новой хозяйке. Да-да, собаки чувствуют людей! А потом этих бедняжек стали использовать в производственных целях...

– Про это нам рассказывала девочка, встретившая нас на фабрике! Её звали София, – сказала Поля. – Собаки дают злостин, который вроде как помогает людям достигать их цели.

– Ха-ха-ха! – взорвался смехом старик, хлопая себя по коленкам. – Ну, вы меня насмешили, мои дорогие! Что-то я не припомню ни одного злодея, достигшего свою цель. Все они в итоге оказываются у разбитого корыта. Как та старуха, жившая у самого синего моря. На самом деле злостин здесь используют для того, чтобы усыплять память. Каждый день по пакетику «Елжевичного У» и ты начинаешь забывать, сначала своих родителей, бабушек и дедушек, а потом уже не можешь вспомнить, кем ты и сам был раньше. Но он не на всех действует одинаково. Взять к примеру Киру Адольфовну, которая глотает его коробками. Вот незадача! Она не может вспомнить, что говорила вчера. Поэтому ей приходится

всё время вилять, и каждая её новая ложь противоречит старой. Зато у неё никак не получается забыть, как в детстве она пасла коров.

– Мы тоже съели по целому пакетику! – испугалась Валя.

– Не переживайте, от одного пакетика ничего не делается. К тому же, на тех, кто никогда не врёт, это совсем не действует. Вы же из таких?

Поля неуверенно пожала плечами и украдкой посмотрела на сестру.

– Значит и собака нашей Джины скоро окажется здесь? – спросила Валя.

– Да, барышни. Ким поведал мне вашу историю. Так происходит всегда. И собака вашей подруги, я уверен, не будет исключением.

– А почему Ким назвал вас дедушка Паук? Это ваша фамилия? – поинтересовалась Поля.

Старичок по-доброму усмехнулся.

– Вы когда-нибудь видели, откуда появляются пауки у вас в ванной или в раковине?

– Наверное забираются по трубам! – ответила Поля и пожала плечами.

– Вот-вот! Именно по трубам. А что такое трубы? Они спрятаны в стенах, в земле. Они не видны, но без них здесь ничего бы не было. Не было бы ни воздуха, ни воды, ни даже самой фабрики. Есть ещё очень важная вещь, без которой ничего бы не было. Смотрите сюда! – сказал старик и указал

на кружку с остывшим чаем, стоявшую на столе.

Он немного прищурился, не отрывая взгляд от кружки. И тут она сама начала медленно подниматься в воздух. Когда от стола её отделяло уже около метра, кружка зависла и начала плавно переворачиваться. При этом остывший чай почему-то оставался внутри.

– Вот здорово! – не удержалась Поля и захлопала, как в театре.

Дедушка Паук повернулся к ней. В ту же секунду кружка в грохотом обрушилась на стол, разбившись на несколько частей и расплескав чай по скатерти.

– Это я виновата, простите, пожалуйста. Сейчас всё уберу!

– Нет-нет! Я сделал это специально! – остановил Полю старичок.

– Что значит специально?! – удивилась Валя.

– Я хотел вам показать, как всё устроено.

Девчонки и Ким с интересом ждали продолжения.

– Чтобы поднять взглядом кружку, я приложил усилие. Но едва отвлекся – кружка упала. То, что я сделал, было необычно для вас, удивительно и неестественно. Так и с ложью Лжебурга. Чтобы её поддерживать, нужно много сил и постоянно быть начеку. Иначе всё рухнет. Потому что всё, что здесь происходит – необычно и неестественно для нормального человека. Лжебург – это пузырь, который раздувается, раздувается, а потом лопнет в один миг. Вы замечали, что когда говоришь даже маленькую неправду, испытываешь

напряжение, как будто какая-то преграда возникает между тобой и всем остальным миром? И наоборот, правду говорить легко. Эта преграда и есть стенка пузыря. Сначала она становится всё толще, и ты начинаешь отстраняться от того, что тебе было дорого. От друзей, родных, любимых занятий. А потом твой пузырь начинает раздуваться... Ким говорил мне, что вы называете Киру Адольфовну тучей. Это невероятно точное наблюдение! Туча растёт, растёт. Но когда она становится слишком большой, тяжёлой и тёмной, что происходит?

– Дождик! – тихо сказала Поля.

Старик от души рассмеялся, на глазах его даже выступили слёзы.

– Скоро здесь будет очень сильный дождик, – произнёс он, отсмеявшись.

– Дедушка Паук, Поля и Валя слышали от человека, который побывал здесь в детстве, про клумбу с часами. И они хотят вернуться в тот день, когда случилось то, что забросило сюда их подругу. Сама она совсем ничего не помнит. Поэтому я привёл их к вам, – объяснил свой внезапный визит молчавший всё это время Ким.

– И вы точно знаете, когда произошло то событие? – спросил старичок.

– Да, мы уверены! – выпалила Поля.

– Почти, но не совсем, – менее уверенно сказала Валя.

– Ну смотрите, барышни, здесь лучше знать наверняка.

Он испытывающе посмотрел на сестёр. Затем, увидев в Валиной руке фонарь, сказал:

– Дай-ка мне вот это!

Валя протянула ему папин фонарь. Старик зажёл его и, провожаемый взглядами, подошёл к дальней стене.

– Взгляните сюда!

Он направил луч света на стену. Над покрытым блестящим лаком деревянным комодом девочки увидели прямоугольную рамку с очень старой коричнево-жёлтой фотографией. На переднем плане, чуть задрав голову, стоял мальчик во взрослой кепке и широких штанах. Мальчик стоял рядом с клумбой, светлыми пятнами на которой выделялись цифры и длинные стрелки больше его роста.

– Вот она, клумба с часами! И я рядом с ней! – сказал старичок. По его грустной улыбке было видно, что на него нахлынули воспоминания о чём-то очень далёком.

– Вы нас неправильно поняли, – попыталась объяснить Валя. – Дед Гриша рассказывал, что здесь, в Лжебурге, есть клумба с часами. И цифр там не как в обычных часах – двенадцать, а столько, сколько дней в месяце.

– А вы знаете, милые барышни, что каждая следующая бабушка, рассказывающая на ночь сказку внукам, добавляет в неё что-то своё. Особенно, если все эти бабушки страшные выдумщицы! Но в сказке прячется суть, нечто важное, настоящее! – произнёс дедушка Паук. Он взялся двумя руками за комод и сдвинул его с места. Девчонки увидели скрытую

за комодом маленькую квадратную дверцу с чёрным кольцом вместо ручки. Дедушка Паук дёрнул кольцо, и дверца тяжело отскочила. Он по-молодецки бодро опустил на колени и исчез в образовавшемся проёме.

– Ну что, уже передумали? – раздался нетерпеливый голос.

Ким молча последовал за стариком. Потом высунул из темноты руки и помог забраться девчонкам.

Из стены узкого колодца торчала железная лестница, уходящая ввысь. Высоко ли, понять было невозможно из-за скудного освещения, которым служил только папин фонарик в руках необычного бородача. Тот нависал над ребятами, стоя на лестнице и опершись на противоположную округлую сторону.

– Поднимайтесь! – скомандовал он. Где-то далеко наверху отозвалось эхо. Он стал быстро и умело перебирать руками и ногами. Его фигура становилась всё меньше и меньше. Теперь старик действительно стал очень похож на паука. Ким, за ним Поля, потом Валя тоже устремились вверх по лестнице. Здесь было довольно зябко, пахло погребом. Редкие перекладины задумывались явно не для детских ног, и каждый раз приходилось тянуться и высоко подтягивать коленки. Но сёстры старались не отставать. Они уже успели пожалеть, что не оставили свои рюкзаки там, в каморке. Без них было бы в сто раз проще. Когда сил почти не осталось, Поля заметила, как по её плечу скользнул лучик света. Она подняла голову.

Дедушка Паук остановился и светил в их сторону фонарем. «А сейчас собраться для броска, и я чемпион по скалолазанию!» Эта мысль и правда взбодрила Полю.

Скоро они выбрались на ровную площадку. Лестница здесь не заканчивалась. Она уходила выше. Только теперь она шла в сторону от просторной прямоугольной ниши, в которой стоял и ждал их дедушка Паук. Он дышал абсолютно ровно и, казалось, совсем не устал от скоростного подъёма.

– Ну вот, теперь вы все тоже немного пауки!

Его глаза сверкнули улыбкой в луче фонаря, а лицо показалось ещё более морщинистым, чем при свете лампы в красном абажуре. Он дал всем отдышаться, потом посветил вглубь ниши. Площадка, сужаясь, уходила вдаль прямым коридором, который заканчивался кирпичной кладкой. А в ней темнело круглое отверстие.

– Это и есть правда в сказке про клумбу с волшебными часами, – кивнул в сторону чёрного круга дедушка Паук.

Ребята стояли и напряжённо вглядывались туда, куда указал старик.

– Объясните, пожалуйста, что всё это значит! Я совершенно ничего не понимаю! – не выдержала Валя.

– Как вы уже наверно поняли, никакого механизма, будь он из железа или другого твёрдого материала, который может повлиять на ход событий, здесь нет. Это выдумка. Но есть что-то гораздо лучшее и более надёжное. Эта труба, – старик снова осветил фонарём отверстие в конце коридора, – только

лишь путь к цели. А сила, которая проведёт вас по этому пути и доставит к цели, находится в каждом из вас.

– Гм. Понятнее не стало! – недоверчиво пробубнила Поля.

– Если вы уверены, что знаете, какое событие привело вас сюда, нужно хорошенько представить себе то место и то время, в которое вы хотите вернуться. Нужно вспомнить всё очень подробно: кто был рядом с вами, обстановку, кто что говорил – любые мелочи и детали. Это первое. А потом нужно просто очень сильно захотеть оказаться там и верить, что, когда вы спуститесь по этой трубе и окажетесь по ту её сторону, всё будет именно так, как вы представили. У вас должно получиться! Детям это даётся гораздо проще, чем взрослым.

– Значит, здесь были и другие дети и взрослые? – догадалась Поля.

– Конечно! – ответил старик. – Это место недоступно только одному человеку. Кире Адольфовне. Хоть и прошло невероятно много времени, она до сих пор с ужасом вспоминает своё падение и страшно боится всяких колодцев. Лететь в бесконечную пропасть должно быть очень страшно и неприятно. Даже будучи владельцем фабрик, заводов, дворцов, пароходов, такое падение не вспоминать без ужаса может только тот, кто полностью лишился памяти. А она точно многое помнит. И эти воспоминания мучают её. Вы же знаете про её страхи, связанные со всем молочным?

Девчонки закивали, вспомнив фиолетовую кашу на фаб-

рике.

– Можно мне фонарик? – попросила Валя и протянула руку. Старик передал ей фонарь, и она, стараясь не обращать внимание на предательски одеревеневшие ноги, решительно направилась в сторону отверстия в стене.

Сначала она не почувствовала ничего необычного. Но потом каждый новый шаг стал даваться с бо́льшим трудом, чем предыдущий. Стены, пол и потолок одновременно сужались, поэтому идти приходилось чуть в горку. Кроме того, Вале начало казаться, что коридор всё круче забирает вверх. Потолок при этом тоже стремительно опускался на голову, а стены съезжались. Когда до трубы оставалось меньше метра, она уже могла легко достать рукой до потолка. Валя посветила фонарём в центр чернеющего круга. Внутри было точь-в-точь как в горке-трубе на площадке перед старым ДК, где они любили гулять. Тот же жёлтый пластик. И труба также почти сразу загибалась вправо, поэтому нельзя было понять, что там дальше, за поворотом. Валя заворуженно постояла у трубы, потом развернулась и пошла обратно. Идти назад было значительно легче. Пол уходил вниз, потолок резко поднимался, а стены разбегались в стороны. Она пустила пучок света в сторону стоявших на том же месте Кима, Полю и дедушки Паука. Ким вздёрнул руку, будто хотел помахать, но передумал. И сунул руку в карман.

– Поля, мы сможем! Я готова, а ты?

Взглянув на сестру чуть испуганно своими большими гла-

зами-бусинами, Поля кивнула.

– Ким, ты с нами?

– Я бы очень хотел. Но мне нужно остаться здесь и найти папу. Я почти уверен, что он там, за ржавым забором.

Дедушка Паук потрепал его по плечу.

– Обещаю вам, милые барышни, помогать вашему другу. Я уверен, что вы ещё встретитесь. С такими замечательными детьми всё будет хорошо! Мир существует миллионы лет как определённый порядок. Если не верить в это, то во что вообще тогда верить. А ложь – это что? Беспорядок. Значит, она только на время. Я ни на минуту не сомневаюсь, что у вас всё получится. Эти ваши приключения – вряд ли просто случайность. Если бы мы могли увидеть свою жизнь сразу, целиком, как картину, стало бы ясно, что каждое её событие – важная деталь. Испытания закаляют. Правда, Ким? Делают нас мужественными и сострадательными. Выходит, что в них есть польза, и они нужны нам! Чтобы при встрече с ложью, предательством и их тёмными друзьями, для нас не было выбора, на чьей стороне быть.

– А как же остальные дети? Ведь там, на фабрике, есть хорошие ребята, – Поля снова вспомнила Петю Ганнушкина. – Мы что, вот так вот их всех здесь бросим?

– Не волнуйтесь, добрая барышня! Я не просто так остаюсь здесь. Вы же узнали историю про клумбу с часами? А как вы думаете, кто та бабушка, точнее тот дедушка, который рассказывает эту сказку детям?

– Неужели это вы?! – воскликнула Поля.

Глаза старика хитро прищурились, и он едва заметно кивнул.

– Все дети хорошие. Просто некоторые об этом не помнят. Вашей Джине очень повезло с подругами. И я очень надеюсь, что она не упустит свою возможность. У остальных детей тоже будет шанс увидеть клумбу с часами. За это можете не волноваться. Память ведь невозможно стереть полностью и навсегда. Только всему своё время. А теперь действуйте, как я вам сказал. И возвращайтесь домой. А дальше постарайтесь сделать так, чтобы как можно меньше детей попали на фабрику Швиненбаум. Потому что у меня и так здесь очень много работы. Вы же поняли, что я имею ввиду?

Он лукаво улыбнулся, и девчонки увидели, как в свете фонаря в уголке его глаза блеснула слезинка.

– И почему всегда так жаль расставаться? – громко вздохнула Поля.

Валя сняла со спины рюкзак, долго рылась в нём, потом достала маленькую мягкую игрушку – розового зайца с большими глазами, и протянула Киму.

– Вот держи, это моя любимая, – сказала она.

– Я бы тебе тоже с удовольствием что-то подарила, но у меня с собой только мои Басики. А они без меня не могут. Я же их мама! – Поле было жаль, что у неё ничего не нашлось для нового друга.

Ким бережно взял зайца. Потом он запустил руку в кар-

ман шорт и вытащил оттуда белый бумажный прямоугольник.

– Возьмите, на память о Лжебурге. Магнитиков на холодильник здесь пока не делают.

Это была карта, составленная дедом Гришей и спустя годы дополненная Кимом.

– Всего лишь копия. Перерисовал специально для вас. А теперь идите и не оборачивайтесь. Вам нужно сосредоточиться. Думайте только о том дне, о своём девятом декабря.

Девчонки поблагодарили Кима, пожали точно покрытую папиросной бумагой, жилистую руку бабушки Паука и направились в сторону трубы. Идти вдвоём было проще и веселее. «Хорошо, когда рядом есть человек, которого можно в любой момент схватить за руку», – думала Валя. Она вспомнила лицо Кима в тот момент, когда они ворвались в класс, его палатку. И холодок пробежал у неё в груди. «Он же там совсем один! Как ему должно быть грустно по вечерам. У него, конечно, есть замечательный друг. Этот забавный старичок. Но всё равно это не то же самое, что чувствовать, как рядом всегда сопит кто-то похожий на тебя». Подойдя вплотную к трубе, она показала Поле жестом, чтобы та лезла первой. Поля помедлила минуту, потом села на скользкий жёлтый пластик. На удивление труба оказалась тёплой, как будто была нагрета лучами солнца. Точно как горка в сквере напротив Дома культуры. Поля закрыла глаза. Она представила себе свой класс. «Вот моя парта, – думала она, – на ней

мой распухший от карандашей пенал. Тетрадка по русскому. Учебник с нарисованной девочкой в оранжевом платье. Елена Николаевна сегодня с новой причёской. Мне нравится её новая причёска. Хотя другая ей тоже очень шла. Она только что стёрла с доски какое-то предложение сухой тряпкой. На тёмно-зелёной поверхности остались белые следы. Посередине доски, сверху, очень ровным почерком написано: Девятое декабря. Как у Елены Николаевны получается так аккуратно писать мелом? У меня так ни за что бы не вышло. Вот сейчас прозвенит звонок. Елена Николаевна повернётся лицом к классу и потрёт руки. А все начнут вскакивать с мест. Поднимется шум. Митька подбежит к двери первый. Он всегда успевает раньше других, потому что его парта ближе к выходу».

Поля оттолкнулась и почувствовала, как быстро закружилась в трубе, словно в воронке. Встречный поток свежего воздуха приятно обдувал лицо. От скорости у неё захватило дух. «Глаза держать закрытыми! Не думать ни о чём другом... Я в классе. А вот и звонок. Я тоже вскакиваю с места, бегу в коридор. У меня расстегнулся ремешок на правой туфле. Бежать не очень удобно, но ничего, поправлю в коридоре. Передо мной голова с двумя тоненькими косичками. Это Настя Охапкина».

– Настя, – крикнула Поля и хлопнула по-дружески одноклассницу по спине.

Настя обернулась, наморщила лоб.

– Идёшь сегодня в художку?

– Конечно! – ответила Настя. – Я, между прочим, в этом году ещё ни одного занятия не пропустила. Пойдём вместе, как в прошлый вторник?

– Здорово! Подходи тогда к моему дому, когда уроки сделаешь. Только не позже четырёх, чтобы нам не опоздать.

Шумная река девочек и мальчиков, в едином порыве устремившихся наружу, вынесла Полю в коридор и тут же перемешалась со встречными потоками. Поля поискала глазами и увидела в конце коридора у окна Костика Королёва, державшего что-то за спиной. Напротив стояла Джина. Её легко было узнать по немного квадратной макушке с густой тёмной копной. Поля бросилась со всех ног к ним. Но почув-

ствовав свободно болтающуюся расстёгнутую туфлю, резко опустилась на одно колено, не сводя глаз с Костика и Джинны. Когда с застёжкой было покончено, она лихо вскочила на ноги и подбежала к подруге.

– А ну-ка отдай сейчас же! – прошипела сквозь зубы Джинна.

Костик помотал головой, растянув на лице дерзкую улыбку.

– Я сейчас пойду и расскажу всё Елене Николаевне. Слышишь? Отдавай!

– Ну и иди, ябеда! Всё равно не отдам! – огрызнулся Костик.

Поля тронула Джину за плечо, и та резко обернулась. Лицо у неё было напряжённое и свирепое, она дышала громко как паровоз.

– Послушай, Джина, ты очень нужна мне. Прямо сейчас. Давай отойдём в сторонку, – спокойно, вполголоса сказала Поля.

– Он взял мою тетрадь и собирается порвать её! – выпалила Джина, гневно посмотрев на Костика.

– Ничего он не порвёт, не волнуйся, – Поля твёрдо схватила подругу за руку и повела прочь от припёртого к окну Костика. – Послушай-ка, ну зачем ему рвать твою тетрадь? Сама подумай. Ты просто ему нравишься. Он старается изо всех сил, чтобы ты на него обратила внимание. Сейчас поймёт, что ты больше не кинешься на него, и сам отдаст. Хо-

чешь, давай проверим?

Джина задумалась. Дыхание её становилось более спокойным и ровным.

– Ну ладно. Давай проверим. Но я бы такое ему устроила, если бы не ты, Поля.

– Я знаю! – ответила Поля и ласково улыбнулась.

Они сели на зелёный кожаный диван. Поля не отпускала руку Джины. Стараясь делать вид, что не обращают на Костю никакого внимания, девочки всё же продолжали бросать косые взгляды в его сторону. Костик постоял столбом у окна. Но ему это занятие быстро надоело. Держа в правой руке свёрнутую тетрадку Джины, он направился к одноклассникам, которые обсуждали что-то явно интересное, потому что с определённой периодичностью дружно лопались от хохота.

– Вот видишь? Если бы он хотел порвать твою тетрадь, то наверняка бы уже это сделал, – сказала Поля, толкнув Джину плечом.

В этот момент к ним подошла Валя. Она была какая-то взъерошенная. Встретившись взглядом с сестрой, Валя покачала головой и вздохнула. Ей явно не терпелось что-то рассказать, но она не решалась при Джине.

– Мы тут всё уладили! – сказала Поля и посмотрела на Джину в упор. – Правда же?

– Эх, Полечка, если бы не ты, плакал бы этот Костя!

– Джина, ты наша лучшая подруга! И мы всегда готовы тебе помочь. Вот только если тебе захочется сделать какой-то нечестный поступок, например, сказать Елене Николаевне, что тебя ударили, при том, что по правде этого не было, мы тебе не помощники, – очень серьёзно проговорила Валя.

– Ещё из-за вранья могут зря пострадать близкие тебе люди. А вернуть всё обратно будет сложно, – добавила Поля.

– Но... откуда вы знаете, что я собиралась сказать Елене Николаевне?! – Джина удивлённо выпучила свои тёмные глаза.

– Потому что, когда ты планируешь соврать, у тебя нос покрывается фиолетовыми точками! – объявила Валя и несколько раз кивнула для убедительности.

– Да-да! – подтвердила Поля, прилагая большое усилие, чтобы сдержать улыбку.

– Не может быть! – Джина бросила на сестёр испуганный взгляд, вскочила и побежала в класс.

Валя схватила Полю за руку и пристально посмотрела ей прямо в глаза. Ладонка её была холодная как лёд и влажная. В глазах читалось волнение.

– Я так рада, Поля! Так рада, что я наконец-то дома! Ты даже представить себе не можешь.

– Я тоже рада! – ответила Поля.

– Тебе удалось сразу оказаться здесь?

– Ну да, из трубы прямо в класс. А что?

– А мне вот почти, но не совсем.

Это была любимая фраза Вали. И Поля поняла, что за этим кроется «совсем не совсем».

– Когда ты покатишься вниз, я подожду немного. Мы же всегда делали так на горке в парке. Ещё подумала, что может быть это ни к чему. Горка-то совсем не такая, хоть и выглядит похоже. Потом села в трубу и стала думать про девятое декабря и про школу. Но у меня всё не шёл из голо-

вы тот розовый зайчик с большими глазами, которого я отдала Киму, и мысль о том, что теперь Киму наверняка будет не так одиноко. Чем больше я думала, что мне не нужно думать про зайчика, тем больше он не хотел выходить из головы. Я зажмурилась, оттолкнулась изо всех сил, повторяя про себя: «девятое декабря, школа, класс». Всё закружилось, помню ветер в лицо, а потом вдруг открываю глаза и вижу, что сижу в большой комнате на чем-то мягком, а вокруг меня тысячи или даже миллионы одинаковых маленьких розовых зайчиков. Оказалось, что и сижу я на тысячах таких же зайчиков. Там было очень уютно, играла бесконечная усыпляющая мелодия, как из детской игрушки. Знаешь, которые вешают грудничкам надо кроватями? И пахло очень вкусно, будто где-то за дверью пекут печенье. Мне показалось, что из-за стены доносятся голоса родителей. Папа что-то рассказывал, а мама смеялась. Я попыталась встать на ноги. Но из этого ничего не вышло. Ноги совершенно не слушались. Кое-как я доползла до двери, из-за которой слышала голоса, и изо всех сил толкнула её. Дверь оказалась невероятно тяжёлой, как будто её выковали из чугуна. Она приоткрылась лишь чуть-чуть, на несколько сантиметров, и больше не хотела. Тогда я начала барабанить по ней кулаками. Голоса стихли, кто-то подошёл к двери и открыл её. Чьи-то руки подхватили меня. Это был наш папа. Когда он взял меня на руки, стало понятно, что я ещё совсем маленькая. Он поднёс меня к столу, за которым сидели все: мама, две

бабушки и оба дедушки. На столе стоял торт с одной единственной свечкой и куча всякой еды. Все смотрели на меня и улыбались. Они что-то говорили, но их слов было не разобрать. Им явно хотелось, чтобы я задула свечку. Тогда наконец стало ясно, что это мой день рождения. Я закрыла глаза и, вместо того чтобы дунуть, только чихнула. Когда я открыла глаза, никого рядом не было. Это была та же самая комната, но теперь в ней не было ни праздничного стола, ни бабушек, никого. И главное, я снова стала взрослой. Подбежав к двери, я легко открыла её, и на меня свалилась целая гора снега. Он обжигал лицо, но это было весело и приятно. Помню, как провела мокрыми варежками по лицу и разлепила глаза. Передо мной стояла ты и смеялась. Мы были на горке, на той, что рядом с каналом, и катались на ватрушках. Мы с тобой только что съехали с горки прямо в сугроб. А наверху стоял папа и ждал, когда мы поднимемся. Потом всё опять закружилось, и я очутилась в пустыне. При этом в обе стороны от меня тянулся бесконечный ржавый забор. Я встала с тёплого песка и решила пойти в ту сторону, куда дул ветер. Всю дорогу пейзаж был ужасно одинаковый. Только забор и песок, даже ни одной верблюжьей колючки и ни одного следа. Потом, когда казалось, прошла вечность, впереди возникли очертания тёмных построек Лжебурга. Дорога, внезапно возникшая прямо из-под песка пустыни, привела меня к школе. Но Кима там не было. Дальше, не помню как, я оказалась на фабрике. Не знаю, сколько прошло времени,

но, когда мы снова встретились с Кимом, у меня уже была жёлто-фиолетовая форма. Ким отвёл меня к дедушке Пауку. И вот я здесь...

Поля слушала рассказ Вали с открытым ртом, когда Джина снова появилась в коридоре. Она возвращалась к девчонкам, держа в руке маленькое круглое зеркальце, и тщательно изучала в нём свой нос, вытягивая губы.

– Признавайтесь, вы же пошутили? – спросила Джина, напряжённо и недоверчиво.

– Знаешь ли, это не самое страшное, что могло с тобой случиться из-за вранья. Так что не переживай! – отрезала Валя.

– Представляете, Костик действительно вернул тетрадь. Я захожу, а она лежит на моей парте.

– Вот видишь! Эх, знала бы ты... – произнесла Поля. Но не договорила, потому что увидела, как Валя строго взглянула на неё и еле заметно поднесла палец к губам.

Несмелый луч утреннего весеннего солнца подобрался к окну в крыше, покрытому заледеневшим слоем снега. Луч был ещё совсем далёкий и холодный. Но отколовшаяся часть полупрозрачной корки начала медленно сползать по окну, открывая солнцу путь в мансарду. Сначала он упал на одеяло, но постепенно стал подбираться к лицу Поли. Когда он наконец коснулся её ресниц, те дёрнулись, и Поля открыла глаза.

«Вот и весна», – подумала Поля и, улыбнувшись, потянулась, вдыхая первый весенний лучик. Она медленно встала с кровати и на цыпочках подошла к большому окну. Сверху звонко падали капли на подоконник. Поля увидела, как слева от окна, с их крыши съехал тяжёлый кусок снега и ухнул о землю где-то в том месте, откуда почти год назад сквозь щель в заборе они с Валеёй попали на пустырь, а потом на фабрику Швиненбаум. Те далёкие события казались теперь чем-то нереальным. Ведь после их возвращения ни Лисик, ни Джина никуда не исчезли. Да и родителей Костика Королёва никто в школу не вызвал. Правда месяцем позже он на спор пытался съесть два листа с диктантом из своей тетради, за который получил сильно меньше, чем позволяла гордость. И был застигнут врасплох Еленой Николаевной, но никакого серьёзного наказания не понёс.

Через несколько дней после их возвращения из Лжебурга произошло ещё кое-что. Была пятница и маму Джины неожиданно вызвали на ночное дежурство. Девчонки предложили подруге остаться ночевать у них. После ужина они выпотрошили свой шкаф, превратив комнату в костюмерную. Нетронутой осталась только верхняя полка, с которой призывно свисал угол картонной коробки. Там Валя хранила свои «секретики и сокровища». Она подставила стул, не глядя пошарила рукой в коробке и вытянула длинные мамыны бусы. В этот момент что-то упало на пол.

– О-о, тянучки! Давай их съедем! – обрадовалась Джина, поднимая с пола пакет.

Валя резким точным движением выхватила из рук подруги шуршащую упаковку, забралась на стул и бросила её обратно.

– Это плохие тянучки!

– Хм! – фыркнула Джина. – На вид вроде ничего. Они что для собак?

– Почему для собак? – настороженно спросила Валя.

– Там ведь собака нарисована на пакете.

– Нет, собакам их тоже лучше не есть. Они отравленные.

– Ладно, – равнодушно сказала Джина. На лице её застыла недоверчивая ухмылка.

Поля наблюдала за этой сценой со стороны. Она сидела на своей кровати среди разбросанных нарядов.

– Джина, смотри, это мне бабушка подарила! Красивое,

правда?

Поля подняла и покрутила перед собой зелёное платье с пышной юбкой и широким поясом-бантом. Ей хотелось во что бы то ни стало вернуть прежнее настроение.

– Хочешь, надевай его.

Трюк сработал. Про тянучки было забыто. Хотя Валя очень испугалась, что у неё не получится отговорить Джину от затеи их непременно попробовать. Ведь это было то самое «Елжевичное У», которое она захватила в Лжебурге.

А потом, в воскресенье вечером им позвонила тётя Марина и сказала, что её дочь заболела и в школу в понедельник не пойдёт. Голос у неё бы очень взволнованный. Она рассказала, что Джина никого не узнаёт. Только всё время спрашивает, почему её держат в этом странном доме, и куда делись её жёлтые штаны с чёрными карманами. Утром к ней приходил врач из поликлиники. Джина попросила его срочно связаться с «хозяйкой», какой-то Кирой Швиненбаум, а лучше просто отвезти её обратно на фабрику.

Валя сразу догадалась, что произошло. Она достала с верхней полки шкафа коробку с секретиками и обнаружила, что из неё исчезли все пакеты «Елжевичного У»...

«Сегодня будет какой-то особенный день», – подумала Поля. Ей снился очень яркий, очень хороший и необычно настоящий сон. Поэтому её не покидало приятное чувство, что начинающийся день будет его продолжением. Она посмотрела на спящую Валу, широко зевнула и, мягко ступая

только на пальцы, вышла из комнаты. Внизу шипела кофеварка, навязчиво и монотонно тараторил голос из телевизора. Поля спустилась по лестнице и осторожно заглянула одним глазком на кухню. Она глубоко вдохнула запах сваренного папой кофе и разогретого в тостере хлеба, потом так же неслышно вошла. Папина спина в идеально выглаженной рубашке даже не шелохнулась. Он был абсолютно увлечён тем, что показывали по телевизору. В руке он держал кружку, от которой поднимался неторопливый еле заметный пар. Поля бесшумно подкралась.

– Бу-у! – произнесла она громко на выдохе, хлопнув обеими руками по папиной спине.

Папа опять не среагировал. Он медленно поставил кружку на стол. Потом вдруг резко развернулся и, с криком «Ага-а-а, попалась!», схватил Полю, приподнял и закружил в одну, потом в другую сторону. «Ему наверно тоже приснился тот хороший сон, что и мне, – решила Поля. – Ну а почему нет? Сон мог сначала присниться мне, а потом папе. Или наоборот».

И тут она увидела в телевизоре знакомое лицо. Вне всякого сомнения, это был Шулик. Он выглядел не совсем так, как там, на фабрике. Шулик больше не скалился резиновой улыбкой. Лицо его было понурым и серым. Казалось, с ним случилась какая-то страшная несправедливость.

– Ты погляди на него! – сказал папа. В это время в кухню вошла наполовину проснувшаяся Валя. Она подошла к па-

пе и обняла его. Потом села на стул. Взгляд её скользнул по экрану, и сон мгновенно улетучился.

– Представьте, двое мошенников под видом православных паломников ловко втирались в доверие к людям, а потом хитростью отнимали их дома. Ещё их подозревают в похищении собак. Одного вчера поймали, а его так называемая «хозяйка» бесследно исчезла. Этот всё время повторяет одно и то же. Говорит, что они простые старики, живут вдвоём на одну пенсию и никогда никого не обманывали. Если с домами следователям всё уже понятно, то в отношении собак полная неясность. Разом домой вернулись собаки, потерянные много лет назад. Сам мошенник уверяет, что брал собак на время и отвозил в какой-то Врибург.

– Может, Лжебург? – поправила Поля, поглядев на Валю.

– Точно, Лжебург! Поля, ты что, смотришь новости?! – удивлённо спросил папа, оторвав взгляд от телевизора. Потом снова повернул голову к экрану. – Так вот, он утверждает, что попасть туда можно через те самые дома, которые они обманом изъяли у людей. Это ж надо было так завратиться и такого насочинять?! Даже если бы нормальный и честный человек рассказал что-то подобное, ему бы не поверили. А тут, сидит явный наглец и жулик, жалобно причитает, что он простой пенсионер, никогда никого не обманывал и рассказывает про какой-то там Врибург или Лжебург. Вы можете в это поверить?

– В такое действительно поверить невозможно! – сказала

Валя.

– Абсолютно невозможно! – подтвердила Поля.

– Да, кстати, сегодня нашёл вот это в почтовом ящике. Тут ваши имена, – папа положил на стол белый конверт, подписанный чёрной ручкой: «Поле и Вале. Лично!»

Сёстры вытянули шеи и уставились на конверт. Они ещё ни разу не получали писем, и это было очень приятно и волнительно. Папа допил кофе и отправился на работу. Девчонки проводили его до двери, как обычно пожелали хорошего дня, и лишь только дверь за папой закрылась, наперегонки бросились обратно на кухню.

– Что это может быть, Валя?

– Поддай-ка чистую вилку!

Валя вскрыла конверт, неровно разорвав вилкой по сгибу, и извлекла из него свёрнутый пополам тетрадный листок в мелкую клетку, исписанный аккуратным витиеватым почерком. Потом устроилась на стуле и прочла вслух:

«Дорогие Поля и Валя! Помните, я рассказывал вам про своего брата Николая? Я говорил вам, что мы не виделись с тех пор, как он уехал после моего ужасного поступка много лет назад. Вчера я получил от него письмо. Он пишет, что всю жизнь работал в удивительных местах. Сначала на больших стройках, потом на заводе, выпускающем грузовики, после чего оказался в Якутии. Он очень благодарен судьбе, за то, что увидел так много, за то, что всю жизнь его окружали хорошие, интересные люди. Он давно не обижается и

даже пытался разыскать меня через несколько лет после отъезда. Ему сказали, что я бесследно пропал. А тут неожиданно получил письмо двух девочек. Он не назвал имена, но я сразу понял, кто эти две девочки. Я очень вам благодарен за то, что вы сделали! Вы даже не представляете, какие вы замечательные дети! Сегодня рано утром я вылетаю в Якутию, в Мирный. Брат позвал к себе. А я так долго этого ждал. Когда вернусь, мы это обязательно отпразднуем! Ваш дед Гриша».

– Я очень рада, что они снова вместе! – воскликнула Поля, мечтательно глядя в окно. Она представила деда Гришу, сходящего с трапа самолёта, и протянутую к трапу красную ковровую дорожку, по которой ему навстречу гордо направляется его брат Николай с большим алмазом на бархатной подставке в руках, а за ним неповоротливо вышагивают, опустив мохнатые головы, два гигантских мамонта.

– Да. Вот только Джину мы так и не спасли, – проговорила Валя, убирая письмо обратно в конверт.

А память к Джине действительно никак не хотела возвращаться. Теперь она всё время сидела дома. Её показывали разным врачам, которые бесконечно выписывали всё новые и новые лекарства. Но состояние её не улучшалось. Однажды к их забору на велосипеде подъехал очень необычный старик с длиннющей бородой и носом-крючком на пол лица. К багажнику его велосипеда был прикреплён потёртый кожаный чемоданчик, с какими в старых фильмах ходят доктора. Старичок и вправду оказался доктором. Он сообщил, что

слышал от кого-то про девочку со странной формой амнезии. О том, что она всё время говорит про фабрику и требует вернуть ей жёлтые штаны с карманами. Старичок попросил родителей Джины разрешить ему осмотреть больную, заверив, что уже встречался с чем-то подобным. При этом он всё время называл тетю Марину барышней. После осмотра Джины, он объяснил, что от этой болезни ещё не изобрели лекарство и, скорее всего, никогда не изобретут. Но дети, которые действительно хотят выздороветь, со временем почти всегда сами выздоравливают. А вот взрослые – крайне редко. Он посоветовал Джине больше читать хороших книг, дышать свежим воздухом, тренировать память и до полного выздоровления не есть ничего фиолетового. Потом старичок резво вскочил на свой велосипед, прикрепил к багажнику кожаный портфель и также в одночасье исчез, как появился...

Сёстры завтракали в полной тишине, поглядывая на лежащий на столе белый конверт. Когда Валя размазывала шоколадную пасту по второму блинчику, в холле затрещал телефон. Валя бойко облизала ложку с пастой, вскочила со стула и выбежала из кухни. Схватив и приложив к уху трубку, она услышала мальчишеский голос.

– Здравствуйте, позовите, пожалуйста, скорее Полю или Валю, или обеих сразу... в общем, как получится, – спешно произнёс звонивший. Валя узнала голос Митьки.

– Привет Митя, я тебя слушаю очень внимательно.

– Валя, там вот что! Я сейчас был на Янтарной. Жёлтый

дом больше не заброшенный.

– Что ты имеешь ввиду? – по рукам Вали поползли мурашки.

Но Митька уже положил трубку. Вместо его запыхавшегося голоса слышались короткие гудки.

– Что там? – спросила Поля нетерпеливо, как только Валя переступила порог кухни. – Говори же!

– Бежим скорее на Янтарную!

Девчонки быстро набросили куртки и шапки, кое-как вскочили в сапоги и выбежали на улицу. Слежавшийся снег ярко блестел на солнце. Холодная капля упала Поле на лоб. Пробегая мимо беседки, они чуть не налетели на кота, который пригрелся на просохшей под утренними лучами скамейке. Кот выскочил прямо под ноги, потом юркнул под забор, испуганный хлопнувшей дверью и хрустом подтаившего снега.

Деревянная калитка, раньше болтавшаяся на одной петле, теперь стояла в стороне. От дороги к жёлтому дому, между сугробов, шла ровно прочищенная тропинка. Входная дверь была открыта настежь. Подойдя к калитке, Валя и Поля остановились в нерешительности. И тут из дома вышел кто-то невысокого роста, в зелёном пуховике и большой вязаной шапке, съехавшей ему на глаза. Он поправил шапку и широко радостно улыбнулся, увидев сестёр.

– Привет Поля, привет Валя!

– Ким! – вскрикнула Поля. И девчонки бросились на-

встречу своему товарищу, скользя на мокрой тропинке и с трудом сохраняя равновесие.

Когда они влетели на крыльцо, в дверях дома появился ещё один человек.

– Папа, помнишь, я тебе рассказывал про двух девочек?

– Тех храбрых сестёр, которые не побоялись вернуться в Лжебург, чтобы спасти свою подругу? Конечно же помню!

Они были очень похожи. Ким и его папа. И даже шапки у них были совершенно одинаковые.

– Давайте-ка, заходите. Очень рады таким гостям! – сказал папа.

В доме теперь пахло весной. Все окна первого этажа были открыты. Разбросанные доски, битый кирпич и прочий строительный мусор исчезли.

– Вот, сейчас просушим немного комнаты и начнём ремонт. Хотим переехать к лету, – объяснил по-хозяйски Ким.

– Ты представить себе не можешь, как я рада видеть тебя... вас! – восторженно всплеснув руками, и переводя взгляд с сына на отца, произнесла Поля. – Это мой самый лучший день на этих выходных!

Папа Кима добродушно рассмеялся.

Деревянный стол теперь блестел, начисто вымытый от строительной пыли. На нём стоял электрический чайник и две зелёные кружки. Рядом лежала перевязанная крест-накрест бечёвкой чёрная коробка с «ЛЮ 47» на крышке. Ким понял, что девочки заворожено смотрят на коробку – тём-

ного, немого, до конца не разгаданного свидетеля их приключений. Джина, с которой всё началось, возможно даже не узнает, во что вылилась её история с тетрадью. Но Валя и Поля точно не забудут ни разрезанные пополам дома Лжебурга, ни его воздух с еле уловимым запахом ежевичных тынучек. Так они стояли у стола как каменные, не решаясь заговорить, когда через открытое окно послышался шум подъехавшего к дому грузовика.

– Мы с папой собирались избавиться от неё. Чтобы никто больше не смог её найти.

– Пойду встречу, – сказал папа и подмигнул Киму.

Из окна было отчётливо видно подъехавшую машину. Это был обычный самосвал. Из кабины навстречу папе Кима выскочил водитель и стал что-то объяснять, показывая в сторону сугробов. Приглядевшись, девчонки увидели тщательно отчищенный клочок земли в левом углу участка. Потом водитель залез обратно в кабину, машина прошипела, дёрнулась вперёд и начала медленно разворачиваться. Папа повернулся к дому и крикнул:

– А ну-ка молодёжь, выходите, будете помогать.

– Бежим? – сказала Валя.

Папа Кима объяснил, что нужно делать, и началась работа. Взявшись за серую деревянную створку ворот, все четверо дружно потянули её в сторону. Старые гнилые доски не выдержали. Нижняя часть, намертво застрявшая в снегу, с хрустом надломилась, и воротина съехала в бок. Путь во

двор был свободен.

– А теперь, Ким, неси её сюда! – скомандовал папа.

Ким сбегал в дом и вернулся с чёрной коробкой в руках. Между сугробов, там, где была расчищена площадка, виднелась дыра старого колодца. Ким протянул папе коробку, тот взглянул на неё с нескрываемым отвращением, чуть помедлил и с размаху бросил в колодец.

– Готово! – громко крикнул папа. Водитель кивнул и скрылся в кабине. Кузов самосвала начал медленно подниматься. Его тяжёлая металлическая крышка приоткрылась и оттуда лавиной устремилась масса тёмно-жёлтого песка.

– Теперь уже никто не сможет её достать! – уверенно проговорил Ким. – Прощай, Лжебург.

– Прощай, Лжебург! – подхватила Поля весело.

– Мы не будем скучать по тебе! – звонко прокричала Валя.

Они стояли и наблюдали, как колодец стремительно заполняется песком.

– Интересно всё-таки, что было в тех пожелтевших листах. Мы ведь так и не разгадали ширф, не прочитали послание, – задумчиво произнесла Поля.

– Не ширф, а шифр! – поправила сестру Валя.

– У нас ещё будет такая возможность! – Ким запустил руку в карман пуховика и достал оттуда пачку свёрнутых пополам листов.

– Прямо как в моей любимой книжке про девочку детектива! – воскликнула Валя.

Когда песок перестал сыпаться, самосвал несколько раз с грохотом потрянул крышкой, сбрасывая остатки. Потом кузов опустился, и машина неуклюже выползла на улицу. Поля, Валя и Ким вышли со двора, наблюдая как она постепенно превращается в точку в конце их длинной улицы.

– А теперь, Ким, может, расскажешь, как тебе удалось найти своего папу?

– Конечно, если у вас есть ещё немного времени.

– У нас же каникулы, последние перед летними! – радостно объявила Валя.

Странное чувство охватило Кима, когда он вернулся к себе. Всё было как обычно, но всё же что-то изменилось. Не то чтобы кто-то в его отсутствие приходил сюда. Нет, этого и не могло быть. Школа находилась достаточно далеко от фабрики по местным понятиям и никого не интересовала уже очень давно. Сюда редко забредали другие дети в свободное от работы время. А если такое и случалось, то они, как правило, не пытались переступить её порог. Поскольку знали, что Кире Адольфовне это может не понравиться. И тогда они будут лишены вечерней порции «Елжевичного У». Поэтому здесь Ким был всегда один, уверенный в том, что его убежище не будет раскрыто. Поначалу он, как все, работал на фабрике, но делал это больше из любопытства. А когда осознал, что в действительности там происходит, однажды вечером решил не возвращаться. Тогда у него уже была карта, и он решил полностью сосредоточиться на своих поисках. Ким не сомневался, что его папа тоже где-то здесь. Ведь тот был в доме накануне своего исчезновения. На покрытом строительной пылью столе осталась лежать связка его ключей. А вот в Лжебурге он не оставил никаких следов.

Школа располагалась в очень удобном месте. Отсюда можно было легко, не рискуя быть замеченным, добраться до фабрики, следуя по прямой вдоль забора, разрезавшего

пополам несколько жилых кварталов. Ким знал, что Шулик и хозяйка фабрики передвигаются по округе только на машине. Поэтому в те часы, когда особенно был велик шанс наскочить на них, старался не расхаживать открыто по улице, а использовал всевозможные лазы, тропы и задние дворы. Скорее всего, про него вообще никто не помнил, по тем же причинам, по которым лишилась памяти Джина. Но кто знает, не пришлось бы ему снова застрять на фабрике на какое-то время, изображая послушного работника, попадись он на глаза Киры Адольфовны и её компаньона.

Ким тщательно осмотрел каждый уголок учительского стола. Всё здесь было как прежде. Справа также лежала стопка тетрадей и классный журнал. Затем он заглянул в свою палатку. Там тоже ничего не изменилось. Когда его взгляд скользнул по составленным в ряд шкафам, занимавшим всю дальнюю стену класса, он наконец понял, что было не так. Некоторые деревянные дверцы нижних отделений были раскрыты, стеклянная створка, расположенная ближе к окну, треснула поперёк. А соседняя – и вовсе выпала и разбилась на несколько крупных осколков. Ким подошёл к шкафу и схватился за корешок одной из ненастоящих книг. Тот не поддался. Со шкафом что-то случилось. Полки его перекосились, да так сильно, что всё, что находилось на них, оказалось плотно зажато боковыми стенками. На полу у окна валялась палитра, на которой девчонки смешивали краски несколько месяцев назад. Всё это время она лежала на под-

оконнике, где её оставили Валя и Поля. Теперь все пятна на ней стали фиолетовыми. Ким поднял палитру и бережно положил её обратно. И тут он заметил, что небольшое расстояние, отделявшее шкаф от подоконника, исчезло. Сомнения окончательно улетучились. Пока его не было, класс уменьшился в размерах. Ким подошёл к открытой входной двери и попытался закрыть её. Но она стала шире проёма. Тогда он вернулся к доске, взял сухую тряпку и провёл по надписи «Девятое декабря». Надпись пропала, а на тряпке остались следы мела.

На следующее утро Ким проснулся раньше, чем обычно. Он вышел со двора школы и увидел, что улица тоже стала несколько уже, чем была ещё вчера. В некоторых местах асфальт провалился, а по краям дороги вздулся, сморщился, и лежал волнами, как тонкое покрывало. Но больше всего его поразило цвет неба. Раньше оно всегда было какое-то плоское и близкое, молочно-голубое, без единого облачка. Никогда ещё оно не было здесь такого глубокого, грозного серого цвета. Ким поспешил к забору, в то место, где начинался короткий путь к фабрике. Подойдя к нему вплотную, он обнаружил, что коридор с чёрным глянцевым покрытием исчез. Половинка дома придвинулась к забору и две части дома соединились, зажав ржавые металлические листы в плотные тиски. Ким вернулся к школе, завернул за угол, на длинную улицу, и больше не прячась и не озираясь по сторонам, направился в сторону фабрики. Ему почему-то вспомнился

тот день, когда он первый раз оказался на этой улице и то охватившее его неприятное чувство от здешней абсолютной тишины. Удивительно, как человек легко привыкает к новой обстановке. Ким неожиданно осознал, что эта тишина теперь не только не пугает его, но успела стать чем-то совершенно реальным. Он попытался вспомнить, как звучит эта улица в настоящем мире. Но тут внезапный странный звук прервал его мысли. Только обернувшись и увидев приближающуюся лошадь, он понял, что слышит стук копыт. На фоне потемневшего неба лошадь казалась ослепительно белой. Когда она подошла совсем близко, стало ясно, что она действительно совершенно белая, без единого пятнышка. Лошадь остановилась, дважды тряхнула головой, потом подняла огромные тёмные глаза и сказала басом:

– Большое спасибо, Карл!

Ким, давно привыкший к странностям Лжебурга, всё же вздрогнул. Потом ущепнул себя за руку. Говорящая лошадь – это было слишком, даже по меркам этого места.

– Меня зовут не Карл, я – Ким, – ответил он, ткнув себя пальцем в грудь, чтобы лошади было понятнее. Кто знает, а вдруг это иностранная лошадь.

– Всё равно большое спасибо! – произнесла лошадь настойчиво.

– Но за что?!

– Брррр... за идею, – сказала лошадь, тряхнула белоснежной гривой и припустила галопом в сторону ближайшего до-

ма. Как только она скрылась за его открытой дверью, земля затряслась, и одна сторона улицы придвинулась к другой стороне, образовав на асфальте новые складки и трещины. Следом за лошадьёю на дороге появился чёрный автомобиль. Та самая машина с серебристым силуэтом акулы. Стороны улицы снова придвинулись. Раздался скрежет, посыпались искры и машина тотчас оказалась зажата домами. Немного проскользив по инерции, она остановилась. Из люка в крыше высунулась голова. Затем оттуда выполз человек, с ног до головы укутанный во что-то белое. Человек неуклюже выбрался на крышу, спрыгнул на капот, отчего на нём образовалась глубокая вмятина, и спешно направился в сторону Кима. Это был Шулик. Как обычно обутый в чёрные сандалии поверх жёлтых носков. Правой рукой он придерживал спадавший на глаза край белой шторы, в которую был завёрнут. А в левой держал золотой кувшин. Яркая вспышка молнии разрезала почерневшее небо. Шулик на мгновение поднял испуганные глаза, потом быстро и молча проследовал мимо Кима и юркнул в ту же дверь, за которой исчезла лошадь. Раздался гром, и тёмное небо прорвалось первым ливнем за всю историю Лжебурга. Ким втянул голову в плечи и, сунув руки в карманы, заспешил в сторону фабрики...

Железная дверь в собачий питомник была наполовину открыта. Её силуэт пятном отражался на залитом дождём крыльце. Ким поднялся по мокрой ржавой лестнице и вошёл в главный зал. Заброшенный вид опустевших клеток с

беспорядочно торчащими незапертыми дверцами и ворвавшийся свежий влажный воздух до неузнаваемости изменили это место. Послышались быстрые шаги, и из каморки выскочил дедушка Паук, сжимая в руке только что потухший, дымящийся факел. Выглядел он весьма необычно. Длиннющая седая борода деда, собранная в косичку, аккуратно лежала на алом парадном мундире.

– Началось, мой друг! – выкрикнул старик, увидев Кима, суетливо потряс ему руку и бросился к выходу.

– Что это значит? – спросил Ким. Он уже и сам всё понял, но чтобы окончательно поверить, хотел услышать слова подтверждения.

– Это значит, что фабрике конец! – проорал старик и радостно затряс головой. Он соскочил с крыльца и застыл на поляне, подставив лицо и ладони тёплым каплям дождя.

– А как же дети?

– Дети в наивысшем порядке! Ты знаешь, что такое Спортлото?

– Игра такая была когда-то, где можно было выиграть ценный приз.

– Молодец, вот именно! Ценный приз! – бодро выпалил дедушка Паук. – Сегодня будет максимальный розыгрыш. Каждый билет выигрышный! А дальше всё зависит только от тебя! Как распорядишься своим выигрышем, так тому и быть! Сегодня все дети отправятся домой...

Потом старик вытащил из кармана большие часы на золо-

той цепочке, жадно всмотрелся в них и поспешил обратно.

– Всё, мне пора!

– А что же мне делать?! – крикнул Ким, почувствовав, как отчаяние сжимает ему горло.

– Ты совсем близко к цели! Просто делай то, что нужно делать в этот момент! – сказал старик и захлопнул железную дверь.

Ким постоял немного: а вдруг дверь откроется и старик скажет ещё что-то. Но, убедившись, что этого не случится, спустился с крыльца, обошёл питомник и увидел общелжитие. Оно медленно, прямо на глазах, уходило под землю, будто погружалось в болотную трясиину. Окна верхнего этажа медленно уползали вниз. Всё это зрелище напоминало кадры фильма про моряков-подводников. Особенное сходство с подводной лодкой зданию придавали металлические антенны на плоской чёрной крыше, смахивающие на перископы. После того, как крыша полностью утонула в ровно постриженном газоне, трава начала желтеть и медленно растворяться. Скоро не осталось ничего, только мокрый песок под ногами и виднеющаяся вдалеке мрачная стена ржавого забора. Дождь лил, не переставая, но он был тёплый и приятный. Ким вытер лицо краем мокрой насквозь футболки и побрёл туда, где раньше было общелжитие и фабрика. Одежда липла к телу, но он старался не обращать на это внимание. Теперь ровная поляна, когда-то отделявшая питомник от общелжития, превратилась в гряду песчаных дюн. С зем-

лэй, похоже, произошло то же, что с улицами Лжебурга. Она съёжилась, собралась и лежала теперь волнами. Когда начался спуск, ржавый забор пропадал из виду. Как только заканчивался подъём, забор появлялся снова. Совершив очередное маленькое восхождение, Ким заметил внизу у подножия дюны большой синий шар. Он замер и пригляделся. Это была Кира Адольфовна. Её как-то невероятно раздуло, и теперь она была раза в четыре больше, чем там, на фабрике. Глаза хозяйки были закрыты. Ким подкрался ближе и уловил её ровный и невозмутимый храп. Кира Адольфовна спала, расположившись на своём любимом диване. Совсем близко сверкнула молния, грянул гром, шар пошевелился и проснулся. Зрачки медленно скользнули влево, потом вправо. Совершив неудачную попытку развернуться на месте, шар глубоко вздохнул и уставился на Кима.

– Мальчик, ты не видел Шулика? – послышался голос хозяйки.

– Кажется, видел. Он спасался бегством, прихватив какую-то золотую посудину.

– Этого не может быть! Он не мог так поступить со мной! Я же всё для него, а он мне никогда ни копейки! – жалостливо проскулила Кира Адольфовна.

– Ну почему же не мог? Вы же сами учили детей предавать своих близких за конфеты. А Шулик просто оказался вашим лучшим учеником.

– У-у-уу, – провыла хозяйка. Потом она вмиг стихла и

произнесла с внезапно вспыхнувшей надеждой:

– Мальчик, помоги мне встать с этого дивана. Знаешь, кто я? Знаешь, что я могу? Я сделаю тебя главным... главным по собакам!

– Думаю, вы уже ничего не сделаете, – ответил Ким. – Вы сейчас лопнете.

– Это невозможно! – сказала туча. – Я – сила, я – правда, я – вера!

– Вы – дура, – сказал Ким.

Ему стало совсем неинтересно. Он обошёл шар и пошёл прочь.

– Как смеешь... ты?! – злобно проорала хозяйка ему вслед. – Шулик! Шу...

Раздался хлопок. Ким обернулся и увидел пустой диван и быстро уползающую по песку маленькую, не длиннее шнурка детского ботинка, чёрную змейку. Потом послышался металлический грохот, как будто локомотив сдвинул с места длинный состав. Ким бросился со всех ног вперёд и скоро оказался на вершине следующей дюны. Забор, закрывавший горизонт, одновременно слева и справа стремительно стягивался к центру. Когда он стал просто тёмной точкой впереди, Киму показалось, что эта точка движется в его направлении. Постепенно, исчезая и появляясь снова, она стала приобретать очертания человеческой фигуры, становилась всё больше и больше. Фигура в очередной раз скользнула вниз и скрылась за песчаной дюной. А когда появилась опять, по-

слышался знакомый, родной голос...

– Ким! – позвал папа. Все трое ребят повернули головы в сторону дома. Папа стоял у открытого окна. – Я вот что подумал: а может, уберём песочницу и разобьём здесь клумбу?

– Отличная идея, пап! Как насчёт клумбы с часами?

Папа улыбнулся и, вместо ответа, лишь дружески подмигнул сыну.

– А знаете что? – сказала Поля. – Бежим к нам! Сегодня мама обещала прийти пораньше и испечь наше любимое печенье с сахарным кремом. Ким, ты обязательно должен его попробовать!

– С огромным удовольствием! – сказал Ким, и все трое выскочили со двора.